

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»

Институт новых информационных технологий
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»

Д. В. Новиков

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИКИ

Учебное пособие

Комсомольск-на-Амуре
2013

УДК 327(091)(07)
ББК 66.4(2)г.я7
Н731

Новиков, Д. В.

Н731 История международных отношений и политики : учеб. пособие / Д. В. Новиков.
– Комсомольск-на-Амуре : ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – 76 с.

В учебном пособии изложены основные темы курса «История международных отношений и политики»; представлены итоговый тест, примерная тематика контрольной работы, список дополнительной литературы.

Предназначено для студентов заочной формы обучения с использованием дистанционных технологий, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью»

УДК 327(091)(07)
ББК 66.4(2)г.я7

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет», 2013

© Институт новых информационных технологий
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИИ	4
1.1. Основные понятия теории международных отношений.....	4
1.2. Парадигмы и направления ТМО.....	6
1.3. Геополитика.....	12
1.4. Участники международных отношений	14
1.5. Природа и закономерности международных отношений	15
1.6. Периодизация международных отношений и мировой политики	28
2. ВЕСТФАЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	28
2.1. Вестфальская система международных отношений. Основные характеристики	28
2.2. Складывание «баланса сил» после Вестфальского мира	30
3. ВЕНСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	31
3.1. Венский конгресс и его итоги.....	31
3.2. Политические последствия Венского конгресса	33
3.3. Образование Священного Союза и консервативно-монархическая реакция в Европе.....	37
3.4. Венская модель международных отношений (основные характеристики).....	39
4. ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	41
4.1. Версальский договор. Основные положения	41
4.2. Вашингтонская конференция.....	43
4.3. Основные черты Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.....	44
5. ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	45
5.1. Ялтинская конференция (4 -11 февраля 1945 г.).....	45
5.2. Потсдамская конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.)	47
5.3. Биполярный характер Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений	48
5.4. Основные черты Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений	51
5.5. Ядерный фактор Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений	52
5.6. Карибский кризис как апогей противостояния СССР и США	53
5.7. Организация объединённых наций как элемент Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений	55
5.8. ООН сегодня. Структура ООН	56
6. СОВРЕМЕННАЯ (ПОСТБИПОЛЯРНАЯ) СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	57
6.1. Формирование новой политической карты мира.....	57
6.2. Демократизация современного мира	59
6.3. Современный глобальный мир	63
6.4. Военный фактор в современных международных отношениях.....	67
7. ИТОГОВЫЙ ТЕСТ	71
8. ТРЕБОВАНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ И ТЕМАТИКА КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЫ	73
9. ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ	74
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	75

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие по курсу «История международных отношений и политики» составлено в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта высшего профессионального образования направления «Реклама и связи с общественностью».

Объектом изучения дисциплины «История международных отношений и политики» являются история и современное состояние системы мировой политики международных отношений.

Предметом изучения выступают общие закономерности эволюции мировой политики и международных отношений, а также характеристики отдельных этапов их эволюции.

При изучении дисциплины «История международных отношений и политики» студент:

- получит базовые знания об основных категориях дисциплины;
- ознакомится с основными теориями, составляющими дисциплину «История международных отношений и политики»;
- продолжит развитие умений и навыков самостоятельной работы.

Структура учебного пособия по дисциплине «История международных отношений и политики» включает: шесть теоретических разделов, состоящих из подразделов; вопросы к зачёту; требования к выполнению контрольной работы (РГЗ); библиографический список.

1. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИИ

1.1. Основные понятия теории международных отношений

Теория международных (ТМО) отношений является сравнительно молодой общественно-научной дисциплиной, хотя её истоки можно найти в социально-политической мысли прошлых столетий и даже тысячелетий. Институционализация ТМО происходила в период между двумя мировыми войнами 20 столетия. В 1919 г. у в Уэльсском университете в Эйберсвите (Великобритания) была открыта кафедра истории и теории международных отношений. В 1920-1930-х гг. подобные кафедры были открыты и в других западных университетах. По объективным причинам, начиная с 1930-х гг., лидерство в международной науке стало удерживать США. Основные направления ТМО (реализм, идеализм, неореализм, неолиберализм, неомарксизм) появились на американской почве и отразили американскую специфику. Почти все наиболее авторитетные специалисты-международники: Г. Моргентау, Дж. Розенау, Дж. Модельски, М. Каплан, К. Дойч, К. Уолтц, И. Валлерстайн и другие представляют именно американскую политическую науку. Постепенно ТМО как научная дисциплина получила распространение в странах Западной Европы и других регионах.

Важнейшими понятиями ТМО являются: «международные отношения», «мировая политика», «международная политика», «внешняя политика». Разберём их последовательно.

Термин «международные отношения» является русскоязычным эквивалентом термина *international relations*. Он был введён в научный оборот английским философом XVIII-XIX вв. Й. Бентамом.

В современной науке существуют различные определения международных отношений. Так, некоторые авторы рассматривают их в качестве «государственно-

центричного» понятия, содержание которого – это «совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между основными классами, основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на мировой арене, т.е. между народами в самом широком смысле этого слова» (Н.Н. Иноземцев). Другие исследователи, наоборот пытаются выйти за рамки межгосударственных взаимодействий, поэтому определяют международные отношения как «совокупность интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество» (Г.Х. Шахназаров). Третьи, как, например, французский социолог Р. Арон, пытаются определить международные отношения через характеристику их участников. «Международные отношения – это отношения между политическими единицами, имея в виду, что данное понятие включает греческие полисы, римскую или египетскую империи, как и европейские монархии, буржуазные республики, или народные демократии... содержанием международных отношений являются по преимуществу отношения между государствами...».

Анализ вышеприведённых точек зрения позволяет сформулировать некое «общее» определение международных отношений как особого рода общественные отношения, выходящие за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных образований.

Международные отношения можно различным образом классифицировать.

По сферам общественной жизни они делятся на: экономические, политические, военно-стратегические, культурные, идеологические.

В зависимости от участников выделяются межгосударственные отношения, межпартийные, отношения между различными международными организациями, транснациональными корпорациями.

В зависимости от степени развития и интенсивности выделяют высокий и низкий уровни международных отношений.

Геополитический принцип позволяет выделить глобальный, региональный, субрегиональный уровни международного взаимодействия.

Наконец, с точки зрения степени напряжённости можно говорить о различных состояниях международных отношений: например, состоянии стабильности и нестабильности; доверия и вражды; сотрудничества и конфликта; мира и войны.

Понятие «мировая политика» принадлежит к числу наиболее употребительных и одновременно наименее ясных понятий политической науки. Некоторые исследователи вообще считают мировую политику не более чем абстракцией, взглядом политолога на международные отношения, условно выделяющим в них политическую сторону (такое, в частности, мнение французского исследователя М. Жирара).

В отечественной ТМО мировую политику определяют в качестве активного фактора, формирующего международные отношения. Огромную роль в мировой политике играют нетрадиционные акторы, не вытесняющие, однако, государство как главного участника международных общений (П.А. Цыганков).

Термином «международная политика» в ТМО обозначают взаимодействие государств на мировой арене, двусторонние и многосторонние связи между ними в различных областях, соперничество и конфликты, высшей формой которых выступают войны. сотрудничество, диапазон которого простирается от спорадических торговых обменов до политической интеграции, сопровождающейся отказом от части суверенитета, передаваемого в «общее пользование» (П.А. Цыганков).

В отличие от мировой политики, международная политика – есть, прежде всего, сфера межгосударственных отношений.

Что же касается внешней политики, то отечественный исследователь П.А. Цыганков определяет её как конкретное, практическое воплощение Министерством иностранных дел основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках его более широких структур и призванных отражать его национальные интересы. Сходной точки зрения придерживается и доктор политических наук В.А. Смоляков, рассматривая внешнюю политику в качестве курса государства в международных делах, осуществляемого различными приёмами и методами.

1.2. Парадигмы и направления ТМО

Под парадигмой в современной науке понимается ряд общих допущений, разделяемых научным сообществом или его частью, на которые в дальнейшем ориентируются теоретические и эмпирические исследования.

В ТМО существует три парадигмы. Ими являются: либерально-идеалистическая парадигма, парадигма политического реализма, марксистская парадигма.

В основе либерально-идеалистической парадигмы (либерализма) лежит теоретическое наследие Цицерона, Ф. Витория, Э. Роттердамского, Г. Гроция, И. Канта и др.

В политической практике идеализм нашел своё воплощение в разработанной после Первой мировой войны американским президентом Вудро Вильсоном программе создания Лиги Наций.

К числу представителей либерально-идеалистической парадигмы можно отнести: Д. Перкинса, Ф. Танненбаума, Т. Кука, М. Муса, У. Лимпана, Т. Мюррея, Дж. Розенау.

Ключевые положения либерализма выглядят следующим образом:

1. Участники международных отношений представляют собой достаточно широкий круг акторов, в который входят не только государства, но и международные правительственные и неправительственные организации, общественные объединения и группы, частные предприниматели и даже отдельные лица. При этом государство не может рассматриваться как рациональный и унитарный актор. Международная политика государства есть равнодействующая постоянной борьбы-согласования интересов различных групп и структур.

2. Отсутствие верховной власти в международных отношениях не означает фатальной неизбежности господства в них принципа «помоги себе сам». Создание и расширение полномочий международных организаций, совершенствование норм международного права, демократизация международных отношений, распространение на них универсальных норм нравственности и справедливости – делает вполне возможным равноправное участие в международной политике не только великих держав, но и других государств, а также негосударственных акторов.

3. Международные процессы многообразны и не могут быть сведены только к состоянию мира и войны или даже к сотрудничеству и конфликту. Всё это имеет место, причём при всё более доминирующей роли международного сотрудничества.

4. Плюрализм международных акторов предполагает и плюрализм их целей. В то же время в этом многообразии всё более явственно просматривается единство – приоритет общечеловеческих ценностей и универсальных демократических принципов, на основе которых следует двигаться к формированию нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества.

5. Мировое сообщество демократических государств, при поддержке и давлении общественного мнения, вполне способно улаживать возникающие между своими членами конфликты мирным путём, методами правового регулирования.

6. Будущее международных отношений – окончательное преодоление их анархической природы и возникновение единого мирового сообщества, в котором будет по-

кончено с войнами и вооружёнными конфликтами. Не исключается и создание мирового правительства, руководимого ООН и действующего на основе мировой конституции.

Российский политолог А.Ю. Мельвиль выделяет следующие исходные принципы и тезисы либерально-идеалистической парадигмы:

- существование неизменных геополитически заданных национальных интересов той или иной страны не подкреплено неопровержимыми аргументами;
- внешний мир в целом благоприятствует воплощению и утверждению основополагающих либеральных принципов – индивидуальной свободы, индивидуализма, демократии, прав человека, правовых основ МО;
- либерализму присуще деятельностное начало, импульс активной внешней политики, порой доходящий до либерального экспансионизма;
- либерализму свойственны принципы и нормы права, ориентация на международные организации;
- либерализм отличает вера в то, что именно экономический рост на свободной рыночной основе является главным фактором внешнеполитической мощи и общего положения государства на мировой арене;
- либерализм неотделим от прогрессизма, который в данном случае понимается не просто как поступательная эволюция природы МО к их все большей управляемости и миролюбию, а как вера в то, что развитие мировых процессов ведет в конечном счете к воплощению идеалов либеральной идеологии;
- либерализм ориентируется на внутренние цели национального развития, которыми являются нужды и потребности гражданского общества, а не государства.

С окончанием холодной войны, когда в международных исследованиях в плане теоретической мысли господствовали реалисты и неореалисты, наступает период признания достоинств либерализма. К этому времени образуется научная школа, органически продолжающая классический либерализм, но учитывающая новые реальности мирового политического процесса, – неолиберализм, или либеральный институционализм (структурный либерализм). В модели неолибералов особо выделены такие положения: взаимосвязь политики и экономики; ослабление влияния анархии на международную среду из-за высокого уровня взаимозависимости государств (экономической, общей заинтересованности в предотвращении ядерной войны и экологической катастрофы); изменение контекста взаимодействия акторов ради увеличения возможностей сотрудничества, в том числе через международные институты и режимы.

Неолиберализм весьма быстро приобрел много направлений, которые в значительной степени пересекаются, но порой их предпочитают рассматривать как самостоятельные концептуальные школы. К их числу относятся: теория комплексной взаимозависимости (англ. Complex interdependence), представители – Р. Кеохейн, Дж. Най, подчеркивающая существование в мире плюрализма множества каналов связи, через которые строится политика, в т. ч. неформальные отношения между внешнеполитическими элитами; теория международных режимов, представители – С. Краснер, Р. Кеохейн, изучающая международные институты и механизмы регулирования, особенно режимы в области мировой торговли и финансов; теория демократического мира (англ. democratic peace), представители – М. Дойль, Б. Рассетт, сосредоточенная на разнообразии возможностей для демократических государств разрешать споры мирным путем.

Основоположником и наиболее видным представителем школы политического реализма является американский учёный-международник – Г. Моргентау. В 1948 г. вышла его работа «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир», ставшая, по сути, «библией» реализма. Основные идеи Г. Моргентау заключаются в следующем:

1. Политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, укорененными в неизменной и далеко не совершенной природе человека. Попытки их изменения всегда обречены на неудачу. Можно создать теорию, более или менее отражающую эти законы.

2. «Политический реализм учитывает значимость политического действия с моральной точки зрения. Он также учитывает неизбежное противоречие между моральным предписанием и требованиями политического действия».

3. Основной признак политического реализма – концепция интереса, определяемого в терминах силы.

4. Интерес, определяемый как власть, – объективная, универсально обоснованная категория, но не потому, что она якобы установлена раз и навсегда; напротив, содержание и способ властвования обусловлены политическим и культурным контекстом.

5. Отказ от отождествления моральных устремлений конкретного государства с универсальными моральными законами. Ни одно государство не обладает монопольным правом на добродетель, на установление того, «что хорошо, а что плохо» с моральной точки зрения.

6. Политическая сфера является автономной. Для политика определение интереса в качестве власти – то же самое, что для экономиста определение интереса в качестве богатства.

Таким образом, международные отношения трактуются Г. Моргентау как борьба различных государств за реализацию собственных (национальных) интересов.

Теория Г. Моргентау нашла большое количество последователей как в США, так и в Европе. Среди них можно назвать Дж. Кеннана, К. Томпсона, Ч. Маршалла, Л. Халле, Ф. Шумана, Р. Страуса-Хюпе, Р. Арона, К. Уолтца и др.

Общими для представителей политического реализма являются следующие положения:

1. Главным участником международных отношений являются суверенные государства. Они выступают в качестве рационально действующих однородных политических организмов, проводящих единую политику в отношении других государств.

2. Специфика международных отношений состоит в их анархическом характере. Каждый участник руководствуется в действиях своими интересами.

3. Действующее в анархической среде на основе собственных интересов государство неизбежно сталкивается с тем, что его интересы вступают в противоречия с интересами других государств – участников международных отношений. Отсюда следует, что главным международным процессом, достойным внимания теории политического реализма, является межгосударственный конфликт и крайняя форма его проявления – война. Как указывает Р. Арон: специфика международных отношений состоит в том, что они «развёртываются в тени войны».

4. Анархический характер международных отношений предполагает, что они полны опасностей и угроз для государственных интересов. Вот почему основная цель государства в международной политике – обеспечение собственной безопасности.

5. Важнейшим средством обеспечения национальной безопасности является сила.

6. Поскольку природу международных отношений не изменить, то будущее мировой политики – это конфликты между государствами за реализацию собственных интересов.

Реализм в своей начальной версии был довольно популярен в 1940-1950-е гг., отражая политические последствия Второй мировой, а затем и холодной войны. На первом плане в исследованиях стояли государства и их соперничество, все остальное считалось вторичным. В межгосударственной конкуренции преимущественное значе-

ние имеет военная сфера. В рамках этой теории сложился подход, названный «реалполитик».

Вместе с тем многие мировые (особенно европейские) процессы 1950-1970-х гг. (прежде всего, развитие торговли, международного сотрудничества, интеграционных тенденций) с трудом поддавались объяснению в рамках классического реализма, поэтому потребовались изменения в самой теории. К концу 1970-х гг. в целом сформировался неореализм (структурный реализм). Его фактическим основателем считается К. Уолтц, работа которого «Теория международных отношений» (1979 г.) становится манифестом неореалистического подхода.

Государства остались исходными единицами научного анализа, вместе с тем они рассматриваются неореалистами не только сами по себе, но и с учетом образуемых ими структур (в том числе союзов, межправительственных организаций и пр.). Различия в поведении государств на мировой сцене неореалисты объясняют, прежде всего, их неодинаковым могуществом. К. Уолтц сравнил международные отношения с рынком, где государства, действуя, подобно фирмам, в своих интересах, конкурируют с одними и сотрудничают с другими членами мирового сообщества. При этом все же основной акцент в неореализме сделан на конфликте и соперничестве.

Важным положением неореализма, является признание огромной роли, которую играет в мировом политическом процессе структура международной системы. Она, по мнению К. Уолтца, является результатом взаимодействия между «великими державами». Структура международной системы решающим образом влияет на внешнюю политику, проводимую «средними» и «малыми» государствами. Так, например, в годы холодной войны внешняя политика различных государств определялась противостоянием СССР и США.

Марксистская парадигма в современной ТМО – явление маргинального порядка. Даже у неомарксистского направления сторонников сегодня гораздо меньше, нежели у реализма и либерализма.

Основное содержание марксистской парадигмы составляют следующие тезисы:

1. Главными действующими лицами международных отношений являются классы (буржуазия и пролетариат). Государства как участники международных отношений являются не самостоятельными акторами, а лишь инструментами, при помощи которых буржуазия реализует собственные интересы. (При этом сущностный антагонизм буржуазии и пролетариата не предполагает отсутствие поверхностных противоречий между отдельными группами буржуазии. Что в частности проявляется в различных захватнических (империалистических) войнах.

2. Международные отношения, в сущности, ничем, кроме масштабов, не отличаются от внутриобщественных отношений. Они имеют «вторичный и третичный», перенесённый характер – в том смысле, что, во-первых, являются одним из элементов надстройки, а во-вторых, отражают особенности взаимодействия буржуазии и рабочего класса в рамках национальных государств.

3. Основные международные процессы представлены классовыми конфликтами, кризисами, войнами и социальными революциями.

4. Будущее международных отношений – это формирование бесклассового общества, «отмирание» государств и установление в мировом сообществе «простых норм нравственности и справедливости» между народами.

Важную роль в современных исследованиях международных отношений играет неомарксизм. Его представители – И. Валлерстайн, А. Франк, Р. Кокс, С. Амин, М. Рогальски, Й. Галтунг, Н. Герас и др.

Неомарксисты представляют международные отношения в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Междуна-

родная экономика является основой мировой политики. Именно она определяет политическую, военную, идеологическую составляющую международных отношений.

Разберём содержание неомарксистской парадигмы на примере «мир-системного анализа» И. Валлерстайна.

Главная категория его анализа – «современная мир-система», несводимая к отдельным государствам. Объединяет эту мир-систему единая капиталистическая «мир-экономика», возникновение которой И. Валлерстайн относит приблизительно к 1500 г. Каждое государство занимает в мир-системе определённое место, изменить которое невозможно.

Структурно мир-система состоит из трёх элементов: «ядра», «полупериферии», «периферии».

«Ядро» – это наиболее развитые страны капиталистической мир-экономики (США, Великобритания, Германия, Франция, Япония и др.).

«Периферия» – наименее развитые страны мир-системы (например, африканские страны).

«Полупериферия» – это страны, занимающие промежуточное положение в мир-системе (типичный пример – Россия).

Сущность международных отношений сводится И. Валлерстайном к экономической эксплуатации «ядром» «периферии». Суть этой эксплуатации состоит в производстве «периферией» прибавочной стоимости, которую присваивает себе «ядро».

Итогом данной эксплуатации становится всёвозрастающая поляризация мир-системы на богатый Север и нищий Юг.

В настоящий момент (первая половина XXI в.) происходит серьёзное ослабление социально-экономических оснований мир-системы. «Во-первых, имеет место серьёзное истощение мирового фонда доступного дешёвого труда... Охватившая весь земной шар окончательная экспансия капиталистической мироэкономики в конце XXI в. форсировала во всём мире ускорение процесса оттока рабочей силы из деревни – процесс, который зашёл далеко и может быть по существу завершён в ближайшем будущем. Это неизбежно означает резкое увеличение мировых затрат на рабочую силу...

Вторая ... проблема – это сжатие средних страт... Их требования как к работодателям, так и к государству постоянно расширяются, и по всему миру затраты на поддержание непомерно разросшейся средней страты... оказываются непосильными...

Третья проблема – это экологический кризис... Необходимо вкладывать огромные средства в ликвидацию последствий загрязнения окружающей среды...

Наконец, демографический разрыв, удваивающий экономический разрыв между Севером и Югом, скорее ускоряется, нежели убывает. Это создаёт невероятно сильное давление на миграционное движение».

Итогом всех данных трендов становится острый моральный и институциональный кризис существующей системы. В ближайшие пятьдесят лет мир ожидает крушение современной мир-системы и возникновение бифуркации с абсолютно непредсказуемыми последствиями.

В настоящее время наряду с тремя парадигмами, в ТМО существуют и некоторые «экзотические» теоретические направления. К их числу относятся постмодернизм и феминизм.

Возникнув как направление в западноевропейской философии, в конце XX в. постмодернизм стал новой теорией в международной науке. Среди его представителей можно назвать: Р. Кокса, Дж. Дер-Дериана, Р.Б. Дж. Уокера и др.

Применительно к международным отношениям для постмодернизма характерны следующие положения:

1. Критика господствующих в ТМО парадигм (особенно реализма). Как указывает Дж. Дер-Дериан: «постструктурализм отличается от рационалистических подходов тем, что он не пытается отразить реальность мировой политики в зеркале своего интеллектуального анализа... Рационалисты ждут, когда научный прогресс позволит им найти правильный метод... Традиционные теории... все время мечтательно стараются зафиксировать реальность, упростить, свести к одному». Международная реальность, считают постмодернисты, слишком сложна, чтобы её можно было описать при помощи какой-то теории. Кроме этого, сами научные теории являются элементами этой реальности и в этом смысле они всегда субъективны. Как указывает Р. Кокс, «теории всегда существуют для кого-то и для каких-либо целей».

2. Постмодернисты активно критикуют традиционные для международной науки категории, например, «национальный интерес».

3. Негативно относятся постмодернисты к модели национального государства, поскольку оно является продуктом отвергаемой ими эпохи модерна и воплощает такие ненавистные постмодернистами черты, как господство «инструментальной рациональности», приоритет материальных ценностей над духовными, централизацию и унификацию.

4. Будущее международных отношений связано с необходимостью разрушения иерархической целостности мира за счёт усиления влияния и роли различных маргинальных групп и акторов.

Феминистское течение в ТМО является разновидностью постмодернистского направления. К числу его представителей можно отнести Дж. Энн Тикнер, С. Хардинг, Р. Грант и др.

Феминизм включает следующие положения:

1. Пол является важнейшей детерминантой политического процесса и мощным фактором социализации, поскольку современные общества основываются на половых различиях.

2. Политическая жизнь традиционно проходила при доминировании мужчин, женщины же были исключены из неё, были лишены возможности полноценного участия в ней, причём современная цивилизация имеет тенденцию к возрастанию этого неравенства. Как указывает Дж. Энн Тикнер, «международные отношения и международная политика – арены, на которых господствуют мужчины».

3. Концептуальные положения, составляющие ТМО, являются маскулинными («мужскими»). Они, с одной стороны, обусловлены наличием полового неравенства в обществе, с другой – они оказывают негативное воздействие на современную мировую политику и международные отношения, способствуя сохранению, воспроизведению их анархической и конфликтной природы.

4. Настало время признать, что «мужская интерпретация» политических реалий не может быть признана ни доминирующей, ни исчерпывающей.

Таковы парадигмы и основные направления в ТМО. Давая им общую оценку, необходимо указать следующее.

Среди трёх основных парадигм (реализма, либерализма, марксизма), наибольшим познавательным потенциалом обладает марксистская парадигма. Это связано с тем, что по сравнению с двумя другими парадигмами, марксизм не ограничивается лишь описанием мировой политики и международных отношений, а нацелен, в первую очередь, на выявление их каузальности (причинности). Марксизм не довольствуется описанием состояния явлений и процессов, но идёт значительно дальше, пытаясь вскрыть их причины. Что же касается реализма и идеализма, то для них характерна тенденция, скорее описать явления и процессы международной жизни, нежели выявить их причинные основания. Их каузальность ограничена выявлением поверхностных причинно-

следственных связей. Кроме этого, в отличие от марксизма реализм и либерализм являются в значительной мере идеологизированными теориями, которые зачастую подменяют научный анализ некими ангажированными штампами и клише.

Что же касается постмодернизма и феминизма, то данные научные направления являют собой лишь критические теории. В конструктивном же плане (создание новой объясняющей теоретической модели) они совершенно ничего не предлагают.

1.3. Геополитика

На рубеже XXI-XX вв. формируется новое направление в изучении мировой политики и международных отношений – геополитика. Суждения о влиянии географических факторов на политические процессы высказывали различные представители политико-философской мысли прошлого, такие как Платон, Аристотель, Ж. Боден, Н. Макиавелли, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и др. Однако как самостоятельное научное направление в ТМО геополитика сложилась именно в конце XXI – начале XX столетия.

Геополитику можно определить как научное направление в ТМО, основанное на изучении мировой политики и международных отношений посредством анализа географического положения государств. В данном смысле географическое положение имеет расширительную трактовку, включающую протяжённость границ, выход к морю, обеспеченность ресурсами, рельеф местности и даже (что характерно для геополитики конца XX в.) обладание ядерным оружием.

Таким образом, в основе геополитики лежит принцип географического детерминизма, рассматриваемый её приверженцами в качестве основного фактора, определяющего мировую политику и международные отношения.

По мнению современного российского исследователя А. Дугина, «главным законом геополитики является утверждение фундаментального дуализма, отраженного в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизаций. Этот дуализм выражается в противопоставлении "теллуократии" (сухопутного могущества) и "талассократии" (морского могущества)». Данный закон, воплощающийся в извечном соперничестве морских и сухопутных держав, определяет международные явления и процессы.

С момента возникновения в геополитике чётко определились три научные школы: немецкая, британская и американская.

Наиболее заметной фигурой в германской геополитике являлся К. Хаусхофер. Его основные идеи заключались в следующем:

- главная движущая сила всякого государства – стремление к расширению жизненного пространства, что, в свою очередь, ведёт к поглощению малых государств более крупными;
- в извечном конфликте талассократии и теллуократии, победу должны одержать сухопутные государства, основным из которых является Германия;
- будущее мировое устройство – совокупность нескольких регионов, в каждом из которых будет господствовать определённая панидея (идея, способная интегрировать вокруг себя все страны и народы данного региона);
- в сфере внешней политики Германия должна ориентироваться на союз с Россией против Великобритании. Стратегическая цель – создание единого геополитического пространства от Рейна до Амура и Янцзы, находящегося под руководством Германии.

В британской геополитической школе XX в. наиболее заметным было творчество Х. Макиндера.

В 1904 г. Х. Макиндер выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории». В нём учёный вводит понятие «ми-

ровой остров», под которым понимает сплошную часть суши, включающую Азию, Африку и Европу, окружённую со всех сторон мировым океаном. Внутреннюю часть Евразии Х. Макиндер считал «осевым регионом» (в 1919 г. в работе «Демократические идеалы и реальность» Х. Макиндер стал называть «осевой регион» хартлендом). Именно данный участок суши с древности являлся ключевым регионом мира, на котором разворачивались основные события мировой политики. То государство, которое контролирует «ось истории», играет ключевую роль в системе международных отношений. Формула Х. Макиндера звучит следующим образом: «Кто господствует над Восточной Европой – господствует над Хартлендом, кто правит Хартлендом – господствует над мировым островом, кто правит Мировым островом – господствует над миром».

В конце своей жизни, уже в годы Второй мировой войны, Х. Макиндер переформулировал свою концепцию. В 1943 г. в статье «Земной шар и достижение мира» учёный в качестве ключевого региона мира назвал северную Атлантику. Страны, расположенные по побережью северной Атлантики, смогут сбалансировать силу государства, доминирующего в Хартленде.

В рамках американской геополитики самым значительным учёным являлся Н. Спайкмен.

В своей концепции Н. Спайкмен исходил из того, что целью внешней политики является сохранение или увеличение силового потенциала государства. «Сила, – констатировал учёный, – в конечном счёте составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии. Территория государства – это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства потому, что этот фактор – самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются непоколебимыми».

Н. Спайкмен пересмотрел выводы Х. Макиндера относительно роли Харленда в мировой политике. Американский геополитик считал, что не Хартленд является ключом к контролю над миром. Такую роль выполняет евразийский пояс прибрежных территорий, или «маргинальный полумесяц», – римленд. Он находится между Хартлендом и великим морским путём, идущим из Западной Европы в Японию через Северное и Балтийские моря, Атлантический океан, Средиземное и Красное моря, Индийский океан, прибрежные моря Дальнего Востока. В состав римленда входят: страны Западной и Центральной Европы, государства Ближнего и Среднего Востока – Турция, Иран, Афганистан; затем Индия, Тибет, Китай и страны Юго-Восточной Азии. Формула Н. Спайкмена: «Кто контролирует Римленд – господствует над Евразией; кто господствует над Евразией – контролирует судьбы мира».

Концепция Н. Спайкмена в годы холодной войны была использована американским внешнеполитическим руководством. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. на территории римленда были размещены американские военные базы.

В настоящее время геополитика остаётся (несмотря на многочисленную критику) одним из направлений в ТМО, изучающим влияние пространственно-географических факторов на взаимоотношения различных государств друг с другом. Среди современных учёных-геополитиков можно выделить Ж. Унцингера, И. Лякоста, П. де Сенаркляна, А. Дугина, К.Э. Сорокина и др.

Геополитическое направление на сегодняшний день пользуется большой популярностью среди российской политической элиты. Политиками, активно обращающимися к идеям и категориям геополитики, являются Г.А. Зюганов и В.В. Жириновский.

1.4. Участники международных отношений

В современной ТМО выделяют две группы участников международных отношений: государства и негосударственных акторов.

Государства с точки зрения межгосударственной стратификации разделяются на сверхдержавы, великие державы, средние державы, малые государства и микрогосударства.

Сверхдержавы выделяются по следующим признакам: а) способность к массовым разрушениям планетарного масштаба, поддерживаемая благодаря обладанию и совершенствованию ядерного оружия; б) способность оказывать влияние на условия существования всего человечества; в) неспособность потерпеть поражение от любого другого государства или коалиции, если в неё не входит другая сверхдержава. Примеры сверхдержав – СССР и США времён холодной войны.

Великие державы в отличие от сверхдержав оказывают существенное влияние на мировое развитие, но не господствуют в международных отношениях. Они нередко стремятся играть мировую роль, однако реальные возможности, которыми они располагают, ограничивают их роль либо определённым регионом, либо отдельной сферой межгосударственных отношений на уровне региона. К великим державам относятся: Китай, Россия, Франция и т.д.

Средние державы обладают прочным влиянием в своём ближайшем окружении. Пример – Испания, Австралия, Австрия.

Малые государства обладают слабым влиянием в ближайшем регионе. Однако они достаточно сильны для сохранения своего суверенитета и территориальной целостности. Пример – Грузия, Эстония, Узбекистан.

Микрогосударства не способны защитить суверенитет своими силами. Пример – Ватикан, Андорра, Монако, Сан-Марино, Лихтенштейн.

Среди негосударственных акторов международных отношений выделяют: межправительственные организации (МПО), международные неправительственные организации (МНПО), транснациональные корпорации (ТНК).

МПО учреждаются на основе международного договора группой государств; в рамках этих организаций осуществляется взаимодействие стран-членов, и их функционирование основано на приведении к некоторому общему знаменателю внешней политики участников по тем вопросам, которые являются предметом деятельности соответствующей организации.

В настоящее время в мире существует более 400 МПО.

МПО классифицируют по «геополитическому» критерию и по сфере их деятельности.

В рамках первой классификации выделяют:

- универсальные (Лига Наций, ООН);
- межрегиональные (Организация Исламская конференция);
- региональные (Латиноамериканская экономическая система);
- субрегиональные МПО (Бенилюкс).

В соответствии со вторым критерием различают:

- общецелевые (ООН);
- экономические (ЕАСТ);
- военно-политические (НАТО);
- финансовые (МВФ);
- научные («Эврика»);
- технические МПО (Международный союз телекоммуникаций).

МНПО возникают не на основе договора между государствами, а путем объединения физических и/или юридических лиц, деятельность которых осуществляется вне рамок официальной внешней политики государств.

В настоящее время в мире насчитывается свыше трех тысяч МНПО.

Среди МНПО выделяют:

- религиозные организации (Экуменический совет церквей);
- организации учёных (Пагуошское движение);
- спортивные организации (ФИФА);
- правовые организации (Международная амнистия).

1.5. Природа и закономерности международных отношений

Кардинальные перемены, происшедшие в мировом развитии на рубеже 1980-1990-х гг., со всей остротой поставили как перед исследователями, так и перед политиками вопрос о характере и закономерностях международных отношений. Падение Берлинской стены стало символом окончания холодной войны. Однако вопреки оптимистическим ожиданиям некоторых идеалистически настроенных политиков и части научной общественности, за ним последовали не сближение Востока и Запада на основе универсальных ценностей и не становление общемирового сообщества, основанного на принципах взаимопомощи и сотрудничества всех со всеми, а совсем иные события, во многом неожиданные как для практических политиков, так и для научного сообщества. Среди них распад СССР и возникновение на политической карте мира новых независимых государств, разрастание этнических конфликтов и усиление сепаратистских тенденций на фоне роста глобальной взаимозависимости, приобретение международным терроризмом угрожающих масштабов, наконец, подрыв всей прежней структуры международной безопасности.

Начавшийся распад прежней системы международных отношений, а также основанного на ней миропорядка поставил множество сложных вопросов перед учеными, экспертами и государственными деятелями. Под сомнением оказались все прошлые завоевания теоретической мысли и сложившиеся за полвека стереотипы международно-политической практики. Возникла настоятельная необходимость переосмысления базовых понятий науки. Это коснулось, прежде всего, такого исходного понятия, как «международные отношения», ибо от понимания того смысла, который в него вкладывается, зависит и международная деятельность политиков. С другой стороны, подобное переосмысление потребовало признания изменения роли государства и влияния других нетрадиционных участников международных отношений.

Неожиданность глобальных перемен для международно-политической науки, непредвиденность их характера привели к двум важным выводам, касающимся представлений о природе международных отношений. Первый из них – довольно пессимистический – состоит в том, что, несмотря на теперь уже относительно немолодой возраст науки о международных отношениях, она не только не накопила достаточных знаний об изучаемом ею объекте, но вынуждена даже сомневаться в самом его существовании. Иначе говоря, появились сомнения в том, что природа и закономерности международных отношений имеют свою специфику, отличающую их от других видов общественных взаимодействий. Это еще больше укрепляет позиции тех, кто прежде считал невозможным создание единой универсальной теории международных отношений, правильность положений которой могла бы подтверждаться или опровергаться самими событиями и фактами международной жизни. Согласно взглядам стоящих на этих позициях, международные отношения настолько многообразны, в них принимают участие настолько разные социальные субъекты, что общие теоретические выводы, а тем более

достоверные прогнозы здесь маловероятны. Вот почему следует отказаться от всяких попыток создания единой теории международных отношений. (Отметим, что подобные взгляды были широко распространены и раньше.)

Многообразие существующих сегодня в международно-политической науке теорий и взглядов в конечном счете может быть сведено к трем известным парадигмам: реалистской (включающей в себя классический реализм и неореализм), либеральной (традиционный идеализм и неолиберализм) и неомарксистской, каждая из которых исходит из своего понимания природы и характера международных отношений. Эти парадигмы, естественно, не исчерпывают содержания теории международных отношений. Последние два десятилетия отмечены интенсивным развитием в ее рамках таких направлений, как транснационализм и институционализм, конструктивизм и постмодернизм, все более самостоятельное значение приобретают международная политическая экономия и социология международных отношений; различия, и нередко довольно существенные, имеются и в рамках самих указанных парадигм. В то же время наиболее распространенными и на сегодняшний день остаются именно указанные парадигмы, а сердцевинной дискуссией по вопросам теории международных отношений, во многом определяющей пути ее развития, остается дискуссия между неореализмом и неолиберализмом. Это дает основания не только рассматривать указанные выше три парадигмы как «базовые» для международно-политической науки, но и анализировать на их основе и само состояние последней.

Центральными для теории политического реализма, одним из самых авторитетных представителей которой стал в 30-е и особенно в послевоенные 40-е гг. Г. Моргентхау, являются «понятие интереса, определенного в терминах власти» и связанные с ним понятия баланса сил, геополитической стратегии и т.п. В неореализме, основные идеи которого сформулировал в конце 70-х гг. К. Уолц, эти акценты несколько смещены. Отстаивая структурное понимание силы, неореализм не сводит ее к военному компоненту, а включает в нее также экономическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие. В нем нашли место и другие, новые для этой парадигмы положения, например о взаимозависимости, о внетерриториальной сущности нового, гораздо более эффективного, чем прежний, типа власти – власти над идеями, кредитами, технологиями, рынками и др. И все же сама суть реалистического подхода с характерным для него пониманием мировой политики как бескомпромиссной борьбы государств за власть и влияние остается прежней.

Одним из исходных для политического реализма является положение об анархической природе международных отношений. С этой точки зрения, именно анархичность отличает их от внутриобщественных отношений, построенных на принципах иерархии, субординации, господства и подчинения, формализованных в правовых нормах, главной из которых является монополия государства на легитимное насилие в рамках своего внутреннего суверенитета. Анархичность же международных отношений, по мнению сторонников политического реализма, проявляется в двух главных аспектах. Во-первых, это отсутствие общего правительства, единой правящей во всем мире структуры, распоряжения которой были бы обязательны для неуклонного исполнения правительствами всех государств. Во-вторых, это неизбежная для каждого государства необходимость рассчитывать только на себя, на собственные возможности в отстаивании своих интересов. Приверженцы парадигмы политического реализма исходят из того, что при отсутствии верховной власти, правовых и моральных норм, способных на основе общего согласия эффективно регулировать взаимодействия основных акторов, предотвращать разрушительные для них и для мира в целом конфликты и войны, природа международных отношений не претерпела существенных изменений со времен Фукидида. Поэтому следует оставить все надежды на реформирование данной

сферы, на построение международного порядка, основанного на правовых нормах, коллективной безопасности и решающей роли наднациональных организаций. Никто, кроме самого государства (в лице его политического руководства), не заинтересован в его безопасности, укрепление которой – а следовательно, и усиление государства, его власти как способности оказывать влияние на другие государства – остается главным элементом его национальных интересов. В рамках указанной парадигмы все это означает, что главным содержанием рациональной теории, исследующей международные отношения, остается изучение межгосударственных конфликтов и войн, а ее центральной проблемой – проблема безопасности. При этом безопасность рассматривается, прежде всего, в ее военно-силовом и государственно-центристском виде. В этом случае внимание концентрируется на «дилемме безопасности», в соответствии с которой чем большей безопасности добивается для себя одно государство (или один союз государств), тем в меньшей безопасности оказывается другое государство (или союз).

С окончанием холодной войны авторитет политического реализма был серьезно поколеблен. Некоторые из представителей неореализма даже стали называть себя «либеральными реалистами», или же «утопическими реалистами», показывая тем самым готовность к определенному пересмотру ряда положений реалистической парадигмы, в том числе и положения об анархичности природы международных отношений. Так, Б. Бузан, не подвергая сомнению реалистический тезис о радикальном отличии политических взаимодействий в рамках государства и на международной арене, в то же время считает, что в целом природа международных отношений меняется в сторону «зрелой анархии», в рамках которой западные либерально-демократические государства способны играть роль гаранта международной безопасности, а достижения прогресса становятся доступными для всех, в том числе слабых государств и рядовых индивидов. Однако критики указывают, что если тот факт, что западные демократии не имеют никакого желания сражаться друг с другом, возможно, отчасти подтверждает тезис о «зрелой анархии», то это не относится к отношениям между ними и остальным миром. Они подчеркивают отсутствие каких-либо гарантий того, что богатые и сильные демократические державы станут помогать более слабым государствам в других регионах, когда возникнет угроза их безопасности.

В этих условиях либерально-идеалистическая парадигма международно-политической науки, как бы забытая в период биполярного противостояния, вновь привлекает внимание, приобретает самые различные формы. Многие ее сторонники соглашались с тем, что, поскольку в международном обществе до сих пор отсутствует принудительная сила, постольку международная система и сегодня остается анархичной с точки зрения отношений господства и подчинения. Однако, как считает А. Вендт, первичность идей и возможность достижения баланса интересов означают, что анархия является следствием политики самих государств. Более того, анархичность международных отношений уже не может рассматриваться как то, что коренным образом отличает их от внутриобщественных отношений. Так, по мнению Й. Фергюсона, несмотря на утверждения неореалистов о господстве анархии в сфере международных отношений, гораздо более правдоподобным является другое. «С беззаконием и насилием чаще всего сталкиваются в городских трущобах, в действиях организованной преступности, в этнических конфликтах, в беспорядочном терроризме и в гражданских войнах. В странах, подобных Перу и Колумбии, в целых провинциях фактически действуют не государственные законы, а законы преступного мира. И наоборот, межгосударственные войны – сегодня редкий случай, и многие сферы транснациональных отношений являются мирными и предсказуемыми». Формальные и неформальные правила игры ограничивают степень анархии в различных зонах риска, результатом чего является значи-

тельная регулярность и, как правило, преобладание отношений делового сотрудничества.

Еще больше критики высказывается по поводу второго аспекта анархичности. С точки зрения сторонников либеральной парадигмы, отношения между развитыми демократическими странами Азии, Северной Америки, Океании и Западной Европы трудно характеризовать как строящиеся по принципу «помоги себе сам». Многие якобы неизбежные последствия анархии были по большей части преодолены благодаря целому комплексу институтов, которые управляют межгосударственными отношениями и обеспечивают механизмы принятия решений. Эти институты отражают существование межгосударственного консенсуса и помогают поддерживать его, используя взаимные консультации и компромиссы, смягчающие последствия фактического неравенства государств. Более того, некоторые из неолибералов полагают, что наступил момент для нового витка в развитии мирового сообщества и что с прекращением борьбы Запада с Востоком наконец-то стало возможным развитие международных отношений на основе идеалистических концепций. Идеи сотрудничества, по их мнению, имеют больше шансов на успех, чем классические взгляды реалистов на конфликт, а также игры с нулевой и ненулевой суммой.

Другие сторонники либеральной парадигмы стремятся исследовать характер и долговременные тенденции происходящих изменений. Так, Дж. Розенау подчеркивает, что в рамках возникающей сегодня новой, «постмеждународной», политики контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-новому. На наших глазах рождается и уже существует наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий «второй, полицентричный» мир, мир «постмеждународных» отношений. Он характеризуется хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, возникновением новых авторитетов, переориентацией лояльностей. При этом базовые структуры «постмеждународных» отношений как бы расщепляются между этатистским и полицентрическим мирами, которые влияют друг на друга, но не находят и не могут найти подлинного примирения между собой.

Впрочем, оценивая позиции сторонников либеральной парадигмы, не следует забывать и о том, что в целом неолибералы по ключевым позициям (анархичность международных отношений, ведущая роль государства, значение власти и силы) гораздо ближе к неореализму, чем к традиционным либералам-идеалистам.

С критикой основных положений реалистической парадигмы выступает и неомарксизм. Его сторонники представляют мир в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Разобраться в этом сложном многообразии помогают базовые понятия «мир-система» и «мир-экономика». Последнее отражает не столько сумму экономических отношений в мире, сколько самую обширную систему взаимодействия международных акторов, ведущую роль в которой играют экономически наиболее сильные. Основные черты мир-экономики – это всемирная организация производства, рост значения ТНК в мировом хозяйственном развитии, усиливающаяся координация производственных комплексов, интернационализация капиталов и уменьшение возможностей государственного вмешательства в сферу финансов.

По утверждению неомарксистов, государства, которые ранее защищали себя от внешних потрясений, сегодня превращаются в агентов, передающих национальным экономикам требования мир-экономики с целью адаптации к условиям конкуренции на мировом рынке. При этом указанные процессы, как и соответствующие структуры, являются результатом деятельности людей, продуктом истории. В то же время, подчеркивают неомарксисты, существуют и процессы, противоположные глобализации, – диверсификация экономических, политических, общественных, социокультурных и иных

организаций и структур, поиски иных путей развития. Однако радикально-либеральная идеология стремится завуалировать эти процессы. Она внушает людям, что альтернативы глобализации нет, что в основе наблюдающихся на мировой арене жесткой конкуренции, дерегламентации взаимодействий и эгоизма лежит неумолимая экономическая логика.

Гиперлиберальная мир-экономика, пишет один из видных представителей неомарксизма Р. Кокс, нуждается в лидере, способном заставить уважать ее правила. После холодной войны эту роль присвоили себе США. Она позволяет им претендовать на привилегии в виде исключений из общих правил поведения на международной арене. Являясь самым крупным в мире должником, США рассчитывают на дальнейшее получение кредитов и продолжают жить, тратя гораздо больше, чем это позволяют их собственные возможности. Их лидеры объясняют это «тяжестью военной ноши», которую Соединенные Штаты вынуждены нести, защищая остальное человечество (и прежде всего, западный мир) от многочисленных угроз его безопасности. На самом же деле международные отношения приобретают зависимый от США характер. Эта зависимость касается не только «маргинальных» (традиционных) периферийных зон мировой системы, т.е. слаборазвитых стран «третьего мира», не только ее «активных» или «главных» периферийных зон, какими становятся страны Восточной Азии, Восточной Европы, Латинской Америки, Россия, Индия, но и таких традиционных «центров системы», как Япония и Западная Европа. Выстраиваясь в кильватере политики Вашингтона, последние рискуют в долгосрочной перспективе обострить этим не только японо-европейское соперничество, но и смягчившиеся в последние десятилетия противоречия между западноевропейскими странами. Вместе с тем, считают неомарксисты, положение все же не так фатально, как его представляют сторонники радикал-либеральной концепции «мондиализации». Дальнейшая эволюция мировой системы во многом будет зависеть от политической воли и способности «периферийных» стран и регионов порвать с навязываемой им стратегией развития в сфере как внутренних, так и международных отношений, а также от эффективности сопротивления этой стратегии со стороны трудящихся.

Можно было бы привести и другие суждения сторонников рассматриваемых парадигм по поводу природы современных международных отношений. Однако и приведенных выше достаточно, чтобы показать, что в результате взаимной критики вырабатывается ряд общих положений, разделяемых представителями всех трех парадигм.

Во-первых, это положение о том, что, хотя анархия международных отношений и продолжает существовать и даже отчасти возрастает, возможности для их регулирования все же существуют.

Во-вторых, это тезис, согласно которому число участников международных отношений расширяется, включая в себя не только государства и межправительственные организации, но и новых, нетрадиционных акторов – международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, фирмы и предприятия, многочисленные производственные, финансовые, профессиональные и иные ассоциации и объединения, а также рядовых индивидов.

В-третьих, это признание всемирного характера тех вызовов и проблем, с которыми сталкиваются сегодня участники международных отношений.

Наконец, это указание на переходный характер современного состояния этих отношений.

В то же время наличие общих положений не означает исчезновения различий. Признавая их, сторонники каждой из парадигм подчеркивают прежде всего те аспекты, которые наиболее близки именно ее традициям. Кроме того, если все они так или иначе влияют на практику международных взаимодействий, то одни в большей, а другие – в

меньшей мере, одни привлекают внимание государственных акторов, другие – нетрадиционных. В этой связи следует подчеркнуть, что высказываемые средствами массовой информации оценки, согласно которым «фактически уже началось самоформирование системы международной безопасности, основанной не столько на теориях, сколько на частных прагматических решениях и прецедентах», вряд ли полностью соответствуют действительности.

Международные акторы, принимая решения как на государственном, так и на негосударственном уровне, находятся под воздействием многочисленных экспертов и советников, имеющих те или иные теоретические предпочтения. Оценка ими ситуации и прогнозы ее развития в той или иной степени влияют на поведение международных акторов, а следовательно, и на состояние международных отношений. Новые явления в международных взаимодействиях, на которые обратили внимание сторонники либеральной парадигмы, заставили теоретиков неореализма смягчить одно из своих положений и видоизменить другие. Так, Колин Грей говорит об уменьшении значения военной силы, по крайней мере, в решении вопросов, связанных с ядерным оружием. С другой стороны, Барри Бузан и Джон Миршаймер отмечают, что сегодня неореализм должен обратить особое внимание на изучение этнических конфликтов и их влияние на трансформацию международной системы. В свою очередь, М. Бречер настаивает на необходимости анализа роли «периферийных» конфликтов (т.е. находящихся за пределами интересов великих держав).

В свете высказанного отцом-основателем неореализма К. Уолцем в конце 70-х гг. положения о том, что для неореализма существуют только две супердержавы, и что, соответственно, неореализм – это теория двух государств, призывы указанных исследователей выглядят как серьезные новации. В то же время быстрое крушение первоначальных иллюзий, связанных с прекращением холодной войны, актуализировало значение реалистической парадигмы. Неореализм оказался востребованным как государственными лидерами, так и оппозиционными политиками разных стран. Тому есть несколько причин.

Во-первых, многие черты современной международной ситуации создают впечатление, что после окончания холодной войны положение в мире стало гораздо опаснее и что всякое явление, которое нельзя объяснить, представляет собой угрозу. С одной стороны, широко распространенными стали тревоги и сомнения, связанные с разрегулированием прежних механизмов функционирования международных отношений, разрушением ставшего привычным за полвека своего существования баланса сил, возникновением на мировой арене новых государств и негосударственных участников международного взаимодействия, наконец, всплеском многообразных и многочисленных конфликтов нового типа. С другой стороны, все эти явления высветили неэффективность ООН и других международных организаций в деле построения нового международного порядка, основанного на верховенстве универсальных ценностей и общих интересов государств, на правовом урегулировании конфликтов и создании системы коллективной безопасности.

Во-вторых, политический реализм традиционно является эффективным инструментом в деле мобилизации общественного мнения того или иного государства в пользу «своего» правительства, защищающего «национальные» интересы страны. Тем самым он помогает ее руководству не только обеспечивать поддержку своей власти со стороны общества, но и сохранять государственное единство перед лицом внутреннего сепаратизма.

В-третьих, основные положения теории политического реализма – о международной политике как орудии борьбы за власть и силу, о государстве как главном и, по сути, единственном действующем лице этой политики, которое следует принимать во вни-

мание, о несовпадении национальных интересов государств и обусловленной этим неизбежной конфликтогенности международной среды и др. – оказались востребованными политической элитой Запада и, прежде всего, Соединенных Штатов. В США политический реализм позволяет трактовать международные отношения в соответствии с американскими представлениями о международном порядке как о совокупности совпадающих с национальными интересами Америки либеральных идеалов, которые она призвана продвигать, опираясь, если необходимо, на использование экономической или военной силы. В других странах (как, впрочем, и в самих США) политические элиты привлекает то положение теории политического реализма, в соответствии с которым единственным полномочным и полноправным выразителем национального интереса государства на международной арене является его правительство, обладающее на основе суверенитета монопольным правом представлять внутреннее сообщество, заключать договоры, объявлять войны и т.п.

Наконец, в-четвертых, немаловажную роль в сохранении основных понятий политического реализма в лексиконе государственных и политических деятелей играют представители генералитета и военно-промышленного комплекса, многочисленные эксперты и советники как силовых ведомств, так и высших государственных руководителей, «независимые» частные аналитические центры и отдельные академические исследователи. Представители влиятельных социальных групп стремятся либо сохранить свою власть, свой статус, либо удовлетворить спрос на рынке государственных идеологий и притом воздействовать на его формирование. И в том, и в другом случае наиболее подходящими в период нестабильности международных отношений оказываются алармистские мотивы, рассуждения на тему возрастающих угроз как мировой системе в целом, так и Западу, и США в частности. В этом контексте широко используются снова вошедшие в моду геополитические построения, многообразные сценарии грядущего миропорядка и т.п.

Разумеется, сказанное не означает, что все сценарии или исследования, о которых идет речь, не имеют отношения к действительности. Напротив, чаще всего они опираются на весьма добротный анализ современного международного положения и внешнеполитических интересов соответствующих стран. В то же время односторонняя ориентированность таких исследований, их идеологическая ангажированность вполне очевидны.

Проблема закономерностей международных отношений остается одной из наименее разработанных и наиболее дискуссионных в науке. Это объясняется, прежде всего, самой спецификой данной сферы общественных отношений, где особенно трудно обнаружить повторяемость тех или иных событий и процессов и где поэтому главными чертами закономерностей являются их относительный, вероятностный, непредопределенный характер. Главными признаками социальных законов, объединяющих их с законами природы, считаются наличие строго определенных условий, при которых их проявление становится неизбежным, а также частичная, приблизительная реализация условий, при которых действует закон. Подчеркнем в этой связи, что степень этой приблизительности в сфере международных отношений так велика, что многие исследователи склонны говорить не столько о законах и закономерностях, сколько о вероятности наступления тех или иных событий. Но и тогда, когда наличие закономерностей не подвергается сомнению, существуют разногласия относительно их содержания. Как и в предыдущем разделе, мы сначала рассмотрим здесь соответствующие положения различных теоретических парадигм, а затем попытаемся вычленив те общие закономерности, которые не вызывают сомнения (хотя и могут трактоваться по-разному) ни у либералов и «транснационалистов», ни у неомарксистов и сторонников мир-системного подхода, ни у реалистов и неореалистов.

Одной из наиболее привлекательных черт теории политического реализма стало стремление обосновать мысль о том, что в основе международной политики лежат объективные и неизменные законы политического поведения, корни которых следует искать в самой человеческой природе. Центральное понятие политического реализма – «интерес, определенный в терминах власти», – связывает существование законов международных отношений с потребностями людей в безопасности, процветании и развитии, которые и должно защищать государство в своей внешнеполитической деятельности. О стремлении к научной объективности говорит и другое положение политического реализма – о необходимости рассматривать международные отношения не с точки зрения какого-либо идеала, сколь бы хорош он ни был, а с точки зрения сущности всякой – в том числе и международной – политики. «Международная политика, подобно любой другой политике, есть борьба за власть; какой бы ни была конечная цель международной политики, ее непосредственной целью всегда является власть», – пишет Г. Моргентау. Не отрицая необходимости создания гармоничного и мирного международного порядка, основанного на демократии, универсальных ценностях и верховенстве права, политические реалисты настаивают на том, что в современном мире одной из главных особенностей международной политики является постоянное стремление великих держав к сохранению существующей на мировой арене ситуации – в том случае, если они считают ее благоприятной для своих интересов, или же – к ее изменению в свою пользу, если она воспринимается как противоречащая таким интересам. В свою очередь, это приводит к особой конфигурации международных отношений, называемой балансом сил, и, соответственно, к политике, направленной на поддержание этого баланса.

К. Уолц, один из основателей неореализма, утверждает, что объяснение социальных форм на основе психологических данных ошибочно, ибо групповые явления не сводятся к особенностям индивидуального поведения. Вот почему надо говорить не о природе человека, а о социальных факторах, и именно их необходимо исследовать. Но это не значит, что можно ограничиться ссылками на формы правления, политические режимы и т.п. В ситуации стратегической взаимозависимости поведение государств, их политика объясняются не только внутренними причинами, но и поведением, и политикой других государств. Поэтому, если мы хотим понять или попытаться предсказать такое поведение, то мы должны учитывать особенности межгосударственной системы, специфику ее структуры. Уолц стремится преодолеть то, за что теорию политического реализма упрекали модернисты: присущие ей недостатки в методологии исследования международно-политических реалий. В поисках методологической строгости он приходит к выводу о необходимости системного подхода к их анализу. Определяющая роль при этом отводится понятию структуры, которая рассматривается Уолцем как распределение возможностей (принуждений и ограничений), которые система придает своим элементам – государствам, а также как функциональная дифференциация субъектов. Сегодня такое понимание является настолько распространенным, что системная теория международных отношений нередко отождествляется именно с ним (более подробно об этом будет сказано ниже).

Политический реализм скептически относится к возможностям регулирования международного «общества» на основе правовых норм или нравственных ценностей. Как пишет Г. Шварценбергер, в обществе, в котором отсутствует верховная власть, главная функция закона заключается в содействии установлению верховенства силы и иерархии, основанной на применении власти. И во многих случаях международное право служит именно этим целям. Подобное может быть сказано и относительно международной морали: государство видит ее главное назначение не в том, чтобы она кон-

тролировала его собственное поведение, а в том, чтобы служила силовым оружием против потенциальных и реальных врагов.

Таким образом, основными закономерностями международных отношений согласно теории политического реализма являются: бесспорная и приоритетная роль государства как главного и, по сути, единственного международного актора; обусловленность внешней политики государств национальными интересами; сила (прежде всего военная) как главный инструмент достижения целей; решающая роль великих держав в мировой политике; баланс сил как средство поддержания международной стабильности и главный регулятор международного порядка.

С точки зрения неолибералов, эти закономерности никогда не были бесспорными, а в последние десятилетия и вовсе утратили свою достоверность. Как считает Дж. Най, сегодня во многих областях международных отношений частные субъекты и небольшие государства располагают гораздо большими возможностями, чем раньше. Одновременно снижаются возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей. Сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной. Б. Бади и М.-К. Смутс пишут, что мир 90-х гг. находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения. Современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования. Краеугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти», либо теряют свой смысл, либо приобретают совершенно новое значение.

Основой всех этих новых тенденций в международных отношениях является закономерность возрастающей взаимозависимости мира под влиянием микроэлектронной революции, революции в средствах связи, транспорта и коммуникации. Результатом становится вторжение в сферу мировой политики новых, нетрадиционных акторов – неправительственных организаций, финансовых фирм, мультинациональных корпораций, частных групп, демографических потоков, мафиозных структур и рядовых индивидов. Государства уже не могут, как прежде, контролировать их деятельность, которая все чаще осуществляется в обход государственного суверенитета и вопреки ему. Поэтому монополия государства в международных отношениях разрушается, хотя оно продолжает претендовать на нее. Геостратегические приоритеты теряют смысл. Внутренняя и международная политика становятся все более взаимопроницаемыми, граница между ними стирается. Сужение полномочий национальных правительств, эрозия силовых отношений в международных отношениях и увеличение числа и многообразия «акторов вне суверенитета» создают новую картину взаимодействий на мировой арене. Международные отношения становятся все более транснациональными и все менее управляемыми. Отсюда сформулированный М. Никольсоном «парадокс участия». Он состоит в том, что чем меньше количество и степень разнородности участников международных взаимодействий, тем более упорядоченной является система международных отношений и тем более предсказуемы действия отдельных участников и их последствия. Если же международные отношения пополняются новыми участниками, то прогноз, а следовательно, и совершение эффективных действий становятся все более трудными.

Итак, взаимозависимость и транснационализация международных отношений; утрата государством его прежней роли «законодателя мод» во взаимодействиях на мировой арене; упадок значения силы, а следовательно, и баланса сил как регулятора этих взаимодействий; рост числа и многообразия «актеров вне суверенитета» и обусловленный им «парадокс участия»; стирание границ между внутренней и международной политикой – таков идейный вклад «транснационализма» в познание закономерностей международных отношений.

Что касается неомарксизма, то в исследовании закономерностей международных отношений он исходит из экономического и социального неравенства в рамках глобальной капиталистической мир-системы, зависимости периферии мирового хозяйства от его центра. Глобализация мир-экономики, сопровождаемая ростом богатств для самых богатых стран и народов, ведет к разрыву социальных связей, неуправляемым демографическим сдвигам и растущей поляризации между богатыми и бедными в мировом масштабе. Существует вероятность того, что по мере развития и обострения этих процессов наиболее обездоленные группы могут скоординировать свои усилия для смягчения их неблагоприятных последствий. Результатом такой координации станет поэтапное строительство иных обществ, иных государственных форм и иного миропорядка.

Неомарксисты утверждают, что господствующая в капиталистической мир-системе идеология гиперлиберализма меняет роль национального суверенитета. Роль государства рассматривается, прежде всего, с точки зрения помощи рыночным силам. И наоборот, оно утрачивает свою роль социальной защиты населения. Перераспределение в пользу бедных регионов рассматривается в рамках указанной идеологии как «протекционистское вмешательство», которое противоречит логике рынка. Поэтому регионы все меньше связывают свои интересы с центром. Усиливаются сепаратистские движения: богатые не хотят делиться с бедными, а бедные считают, что отделение станет наилучшим путем решения их проблем.

Демократизация международных отношений ведет к манипулированию политическим процессом со стороны тех, кто способен его финансировать и кто владеет сложными технологиями манипулирования национальным и международным общественным мнением, к стандартизации и имитации моделей потребления развитых стран. Но одновременно она ведет и к диверсификации. Она расширяет возможности появления новых субъектов международных отношений и выражения ими своих особых интересов, усиливает стремление избежать унификации культуры, может способствовать проявлению желания жить и работать иначе. В длительной перспективе - способствовать диверсификации путей общественного развития.

Таким образом, основная мысль, которую настойчиво проводит неомарксистское течение, – это мысль о противоречивости таких тенденций международных отношений, как глобализация, рост взаимозависимости и демократизации, изменение роли государственного суверенитета. Их развитие ведет к несправедливому распределению благ и, следовательно, выдвигает объективное требование по меньшей мере сознательного управления происходящими процессами.

На примере неомарксизма (как одного из наиболее радикальных теоретических течений в рамках международно-политической науки), пожалуй, наиболее отчетливо видно, что в изучении современных международных отношений политическая наука исходит из признания существования некоторых общих закономерностей международных отношений. Попытаемся резюмировать те из них, которые признаются всеми течениями и выглядят, с этой точки зрения, как относительно бесспорные (независимо от выводов о настоящем и представлений о будущем, которые делаются каждым из них на этой основе).

Во-первых, одной из таких закономерностей является рост взаимозависимости современного мира, выражающийся в неоднозначных и противоречивых явлениях глобализации экономических и финансовых процессов и экологических угроз, в демократизации и гуманизации международных отношений. Взаимозависимость может пониматься по-разному сторонниками различных теоретических традиций и парадигм, но сам факт признания ее роста, в частности, такими убежденными приверженцами политического реализма, как Г. Моргентау и Р. Арон, свидетельствует о том, что под влиянием новых реальностей (прежде всего ядерного оружия) мирового развития они пришли к пониманию того, что раньше безапелляционно опровергали: в ядерный век неуязвимость одной, даже самой сильной в военном отношении, державы невозможна. Это означает, что в международных отношениях появляются общие интересы, которые могут быть реализованы только совместными усилиями.

С этим связана другая закономерность, которая особо подчеркивается транснационалистами и которая признается не только неомарксистами, но и реалистами. Суть ее заключается в том, что государства – уже неединственные участники международных отношений и что политика в отношении новых акторов (ТНК, национально-освободительных движений и др.) не может строиться на традиционном понимании внешней политики. Поэтому представление о международной политике как о соперничестве суверенных государств, в первую очередь сверхдержав, должно быть скорректировано с учетом процессов разоружения и формирования коллективной безопасности. В свою очередь, транснационалисты подчеркивают, что фундаментальным для анализа мировой политики остается понятие власти. Взаимозависимость, подчеркивают они, влияет на мировую политику и поведение государств, но правительственные действия также влияют на модели взаимозависимости. Создавая или принимая процедуры, правила или учреждения для определенных видов деятельности, правительства регулируют и контролируют транснациональные и межгосударственные отношения. Иначе говоря, расширение числа и многообразия участников международных взаимодействий, «размягчение» государственного суверенитета и изменение содержания безопасности не ведут к вытеснению государства со сцены мировой политики, а лишь изменяют и усложняют их роль в поддержании стабильности.

Еще одна закономерность касается международного права. Известно, что, с точки зрения неолибералов, главными регуляторами международных отношений выступают универсальные нравственные нормы, которые кодифицируются и становятся правовыми императивами, на этих нормах базируются международные институты. Близких позиций придерживаются и сторонники транснационализма, считающие, что основой и средствами поддержания международного порядка должны быть нормы, структуры, институты и процедуры вненационального или даже наднационального характера. В своем крайнем выражении позиции рассматриваемых парадигм, касающиеся международного права, выглядят следующим образом. Если представители либерализма трактуют международное право, по сути, как единственный легитимный регулятор международных отношений, то политические реалисты и неомарксисты считают (хотя и по разным причинам), что роль международного права не должна абсолютизироваться. Ведь оно может противоречить национальным интересам или же справедливости в отношениях между народами.

И все же и те, и другие признают: несмотря на то, что современные тенденции в международном праве демонстрируют тесную связь с мировой политикой, нельзя отрицать, что здесь происходят существенные изменения. Международное право в XIX в. и в более ранние столетия главенствовало над всеми суверенными государствами и имело своей целью не устранение войны, а лишь ее ограничение во времени, пространстве, методах ведения и, следовательно, установление равновесия сил. Международное

право XX в. ставит своей целью формирование единого правового пространства при сохранении независимости государств. Становление нравственных универсалий и общих правовых норм отнюдь не однозначный процесс. Исход конфликта между глобальной солидарностью и приверженностью интересам конкретного государства, ценностям конкретной культуры или этнонациональной группы не предопределен. Поэтому нет никаких серьезных оснований считать, что международное «общество» станет «обществом» универсальных ценностей и норм, заменивших и сделавших достоянием истории ценности и нормы государств, этносов и культур. И тем не менее попытки регулирования международных отношений на основе универсальных ценностей и общеобязательных норм вовсе не обязательно обречены на провал, т.к. в мировой политике, как подчеркивает Г. Шварценбергер, существует не только закон силы, но и закон взаимодействия и даже закон координации и согласования.

Следующая закономерность касается функционирования международных систем (хотя характер и самих систем, и законов их функционирования может пониматься по-разному). Представители всех трех парадигм признают, что растущую роль в международной системе играет экономика, хотя эта роль понимается по-разному: неореалисты рассматривают экономику как ресурс власти, для неолибералов же это фактор процветания и богатства государства. Считается, что общей чертой всех международных систем является то, что происходящие в них процессы определяются наиболее мощными государствами и состоянием отношений между ними. Допускается возможность разных типов международных систем и критериев их классификации. Напомним в этой связи, что именно политический реализм ввел в оборот такие широко употребляемые понятия, как биполярная, многополярная и имперская международные системы. Как известно, в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система трансформируется в многополярную. В равновесной системе, или системе баланса сил, несколько крупных государств сохраняют примерно одинаковое влияние на ход событий, обуздывая чрезмерные претензии друг друга. Наконец, в международной системе имперского типа господствует единственная сверхдержава, по своей совокупной мощи далеко опережающая все остальные государства (показателями этой мощи являются уровень вооружений, экономический потенциал, запасы природных ресурсов, размеры территории и т.д.).

Одна из главных идей, на которых базируется концепция международной системы, — это идея об основополагающей роли структуры в познании ее законов. Она разделяется абсолютным большинством исследователей. Суть этой идеи заключается в следующем. Нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими интересами, формирует международную систему, главным признаком которой является доминирование ограниченного числа наиболее сильных государств, а ее структура определяет поведение всех международных акторов. Как пишет К. Уолц, все государства вынуждены нести военные расходы, хотя это неразумная трата ресурсов. Структура международной системы также навязывает всем странам такую линию поведения в экономической области или в сфере экологии, которая может противоречить их собственным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе международных отношений. Подобно тому, как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм (формирующих олигополистическую структуру), так и международно-политическая структура определяется влиянием великих держав, конфигурацией соотношения их сил. Сдвиги в соотношении этих сил могут изменить структуру международной системы, но сама природа этой системы, в основе которой лежит существование ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами, остается неизменной.

Таким образом, именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменчивости, сотрудничества и конфликтности; именно в ней выражаются законы функционирования и трансформации системы. Вот почему в работах, посвященных исследованию международных систем, первостепенное внимание уделяется анализу состояния данной структуры.

Так, Р. Арон выделял три структурных измерения международных систем: конфигурацию соотношения сил, иерархию акторов, гомогенность или гетерогенность состава. Главным измерением, в полном соответствии с традицией политического реализма, он считал конфигурацию соотношения сил, отражающую существование «центров власти» в международной системе, накладывающей отпечаток на взаимодействие между ее основными элементами – суверенными государствами. Конфигурация соотношения сил зависит, как уже отмечалось, от количества главных акторов и характера отношений между ними. Два основных типа такой конфигурации – биполярность и многополярность.

Иерархия акторов отражает их фактическое неравенство с точки зрения военно-политических, экономических, ресурсных, социокультурных, идеологических и иных возможностей влияния на международную систему.

Гомогенный или гетерогенный характер международной системы выражает степень согласия, имеющегося у акторов относительно тех или иных принципов (например, принципа политической легитимности) или ценностей (например, рыночной экономики, плюралистической демократии). Чем больше такого согласия, тем более гомогенной является система. Чем более она гомогенна, тем больше в ней умеренности и стабильности. В гомогенной системе государства могут быть противниками, но не политическими врагами. Напротив, гетерогенная система, разрываемая ценностным и идеологическим антагонизмом, является хаотичной, нестабильной, конфликтной.

Еще одной структурной характеристикой международной системы считается ее «режим» (понятие, которое выдвинуто сторонниками либеральной парадигмы), т.е. совокупность регулирующих международные отношения формальных и неформальных принципов, норм, соглашений и процедур принятия решений. Это, например, правила, господствующие в международных экономических обменах, основой которых после 1945 г. стала либеральная концепция, давшая жизнь совокупности таких международных институтов, как МВФ, Всемирный банк, ГАТТ/ВТО и др.

Таким образом, зависимость поведения акторов от структурных характеристик системы считается наиболее общей закономерностью международных систем. Эта закономерность конкретизируется на уровне каждой из таких характеристик (или измерений), хотя окончательного согласия относительно их количества и содержания в науке пока не существует.

Эвристический характер системного подхода к изучению международных отношений не вызывает сомнений. Он проявляется, в частности, в том, что уже сама идея о существовании в них системных закономерностей позволяет рассматривать их как результат принятия рядом государств определенного политического, экономического и идеологического статус-кво на международной арене, на общепланетарном, региональном или субрегиональном уровне. С этой точки зрения, каждая международная система является ни чем иным, как неформальной институционализацией соотношения сил между государствами в соответствующем пространственно-временном контексте. В то же время было бы наивным считать, что существующие в политической науке закономерности функционирования и трансформации международных систем обладают такой степенью строгости, которая позволяла бы делать на их основе безошибочные прогнозы. Дело в том, что сколь бы глубокими ни были наши представления о системе меж-

дународных отношений, они всегда остаются неполными, всегда «не поспевают» за эволюцией объективной реальности.

1.6. Периодизация международных отношений и мировой политики

В ходе развития системы международных отношений в новое и новейшее время выделяется ряд крупных этапов, существенно отличавшихся друг от друга по своему внутреннему содержанию, структуре, характеру взаимоотношений между составными элементами, господствующему набору ценностей. На основе этих критериев принято выделять следующие, сменяющие друг друга, модели международных отношений:

- 1. Вестфальскую (1648-1789);**
- 2. Венскую (1815-1914);**
- 3. Версальско-Вашингтонскую (1919-1939);**
- 4. Ялтинско-Потсдамскую (биполярную) (1945-1991);**
- 5. Современную (постбиполярную) модели международных отношений (1991 -...).**

Каждая из последовательно сменявших друг друга моделей проходила в своем развитии через несколько фаз: от фазы становления до фазы распада. Вплоть до Второй мировой войны включительно исходной точкой очередного цикла в эволюции системы международных отношений были крупные военные конфликты, в ходе которых осуществлялась кардинальная перегруппировка сил, изменялся характер государственных интересов ведущих стран, происходила серьезная перекройка границ. Таким образом, устранялись старые довоенные противоречия, расчищалась дорога для нового витка развития.

2. ВЕСТФАЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Вестфальская система международных отношений.

Основные характеристики

Первой, хотя и весьма несовершенной моделью системы международных отношений, считается Вестфальская. Её оформление было связано с завершением Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) и заключением в 1648 г. Вестфальского мира. Ее итогом стало формирование в Западной Европе ряда крупных, национальных государств. Вокруг них группировались более слабые государства, и таким образом в Европе возникли первые сравнительно устойчивые центры силы, противоборство между которыми определяло общую динамику международной жизни.

Вестфальский мир имел следующие **условия и итоги**:

1. Швеция получила Западную Померанию с портом Штеттин, некоторую часть Восточной Померании, право на Померанский залив с прибрежными городами. Под фактический контроль Швеции перешли устья крупнейших рек северной Германии. На какое-то время Швеция превратилась в великую европейскую державу, осуществляющую господство над Балтикой и оказывающую влияние на немецкие государства.
2. Франция получила Эльзас (кроме Страсбурга) и опеку над рядом городов.
3. Голландия стала признанным независимым государством.
4. Был признан суверенитет Швейцарского союза.
5. Значительно расширил свои владения и влияние Бранденбург-Пруссия, усилились Бавария и Саксония. В то же время Вестфальский мир закрепил раздробленность Германии.

6. Вестфальский мир уравнивал в правах католиков и протестантов (кальвинистов и лютеран), узаконил конфискацию церковных земель, осуществлённую до 1624 г., и отменил ранее действовавший принцип *cuius regio* («Чья область, того и вера»), вместо которого провозглашался принцип веротерпимости, что в дальнейшем снизило значение конфессионального фактора в отношениях между государствами.

7. Вестфальский мир положил конец стремлению Габсбургов (императорской династии Священной Римской Империи) расширить свои владения за счёт территорий государств и народов Западной Европы и подорвал авторитет Священной Римской империи: с этого времени старый иерархический порядок международных отношений, в котором германский император считался старшим по рангу среди монархов, был разрушен и главы независимых государств Европы, имевшие титул королей, были уравнены в правах с императором.

8. Согласно нормам, установленным Вестфальским миром, главная роль в международных отношениях, ранее принадлежавшая монархам, перешла к суверенным государствам.

Вестфальский мир, достигнутый в 1648 г., ознаменовал собой важный этап в эволюции международных отношений. Подписание Вестфальского мира по окончании Тридцатилетней войны положило начало созданию новой международной политической системы, в основу которой была положена идея **«национального государства»** (*nation-state*). Исключительная важность произошедших в середине XVII в. трансформаций состоит в том, что возникла система отношений, основные принципы которой, пусть и с существенными изменениями и некоторыми оговорками, продолжают существовать и функционировать до сих пор.

Признание в качестве одного из ключевых **«принципа национального государственного суверенитета»** (*state sovereignty*) положило начало новой системе отношений, которая впоследствии получила название Вестфальской, или «государственно-центристской» модели (системы) мира. Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории. Этот принцип не предполагал наличия еще какой-либо высшей власти.

В основе идеи национального государства, обладающего суверенитетом, были **четыре** главные характеристики:

- наличие территории;
- наличие населения, проживающего на данной территории;
- легитимное управление населением;
- признание другими национальными государствами.

При отсутствии хотя бы одной из этих характеристик государство перестает существовать, или становится резко ограниченным в своих возможностях.

Основой государственно-центристской модели мира стали **«национальные интересы»**, по которым возможен поиск компромиссных решений (а не ценностные ориентиры, в частности религиозные, по которым компромиссы невозможны). Суверенные национальные государства, взаимодействовали между собой, образуя **«систему международных отношений»**.

Ключевыми особенностями возникшей системы международных отношений стали доминирование в ней современных «национальных» государств (обладавших полным суверенитетом, едиными механизмами административного управления, постоянными профессиональными армиями, рациональной в веберовском смысле бюрократией, определенными и международно-признанными границами и т.д.), своеобразная деидеологизация, т.е. устранение конфессионального фактора как одного из основных факторов политики, а также постепенное формирование баланса сил (равновесия сил) в отношениях между наиболее сильными европейскими державами или их коалициями.

С Вестфальского мира система международных отношений окончательно оформилась как государство-центристская система. Главным субъектом международных отношений с этого периода становится **суверенное государство**. Каждое из государств обладало полным внутренним суверенитетом, самостоятельно определяя собственную форму правления, принципы внутренней организации, отношения с религиозными конфессиями и т.д., и не признавало над собой никакой иной верховной власти. Постепенно принцип суверенного равенства государств стал общепринятым в системе международных отношений, регулируя поведение государств в отношениях друг с другом вне зависимости от господствующих в каждом из них форм правления и преобладания тех или иных конфессий. Данный принцип постепенно превратился в стержневой элемент современного международного права.

Вестфальский мир 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне, не привел к коренной перекройке политической карты Европы. Вместе с тем Вестфальским миром были зафиксированы глубокие сдвиги во всей системе международных отношений.

Только после Вестфальского мира из внешнеполитических целей правительств окончательно исчезли «идеологические», связанные с вопросами подавления «ереси», «спасения души» и «защиты веры» задачи, объективно прикрывавшие стремление определенных политических кругов и социальных сил в Европе того времени к экспорту социальной и политической реакции, к созданию универсальной империи. Одновременно, вместе с фактическим распадом единого европейского лагеря контрреформации естественным образом исчезла необходимость обеспечения противодействия этим стремлениям. В результате определяющим мотивом деятельности государств на международной арене становится *raison d'état*, государственный интерес, вне всякой религиозной или иной идеологической оболочки.

2.2. Складывание «баланса сил» после Вестфальского мира

Деидеологизация привела к существенной трансформации поведения участников системы международных отношений. Если до Вестфальского мира всевозможные католические или протестантские лиги и входившие в их состав государства были нацелены на непримиримую борьбу со своими противниками до победного конца, до полного их сокрушения (достаточно вспомнить здесь пример императора Священной Римской империи Фердинанда II), то в новых условиях речь не могла уже идти об установлении абсолютного господства в Европе одного государства.

Внешнеполитические цели сторон потеряли максималистский характер, стали более реалистическими. Не только религиозно обоснованные претензии на мировое господство, но даже планы утверждения относительно преобладающего положения в Европе одной державы неизменно встречали быстро нараставшее дружное противодействие со стороны государств, еще недавно находившихся в разных (протестантском и католическом) лагерях. В результате в Европе совершенно спонтанно, т.е. не на зыбкой почве неких умозрительных конструкций или чьей-то целеполагающей деятельности, а на базе «естественного порядка вещей» начал складываться тот самый «баланс сил», который впоследствии был положен в основу целого ряда систем международных отношений на континенте. Как отмечал в этой связи Государственный секретарь США Генри Киссинджер: «Само равновесие сил редко возникало в результате продуманных расчетов. Обычно оно становилось результатом противодействия попыткам какой-либо отдельной страны господствовать над другими».

Межгосударственные союзы в новых условиях становились более гибкими и ситуативными. Смена партнера по коалиции стала, в общем, не таким уж редким явлением в случаях, когда усиление одной из держав грозило всему «европейскому равнове-

сию». Собственно, сама возможность перманентных политических рокировок и эволюции межгосударственных союзов была частью политики равновесия. Суть ее сводилась к тому, чтобы политическим или дипломатическим маневром не позволить какому-либо одному европейскому государству или коалиции государств аккумулировать силы, значительно превосходящие мощь их вероятных соперников. Как сформулировал правило европейского равновесия французский социолог Р. Арон, «всякое государство, желающее сохранить равновесие, выступит против государства или коалиции, которое или которая покажется ему способным обеспечить себе такое превосходство».

Концепция «баланса сил», доминировавшая в общественно-политической мысли Европы, по крайней мере, с конца XVII в. способствовала заметному изменению характера войн и в целом международных конфликтов на континенте. Даже в наиболее крупных и кровопролитных конфликтах рассматриваемого периода цели сторон неизменно оказывались сравнительно ограниченными, не предусматривавшими полного разгрома противника.

3. ВЕНСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Венский конгресс и его итоги

Венский конгресс (1814-1815), представлял собой мирную конференцию европейских государств в Вене в сентябре 1814 – июне 1815 гг. для урегулирования политического положения в Европе в условиях поражения наполеоновской Франции. Он был созван согласно условиям Парижского договора от 30 мая 1814 г. между Францией и Шестой коалицией (Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия), к которому позже присоединились Испания, Португалия и Швеция.

В сентябре 1814 г. в Вене состоялись предварительные переговоры стран-победительниц, предпринявших попытку выработать единую позицию до начала Конгресса; Россию представляли император Александр I и дипломаты князь А.К. Разумовский и граф К.В. Нессельроде, Австрию – император Франц I и министр иностранных дел князь К.Л.В. Меттерних, Великобританию – министр иностранных дел лорд Р.С. Каслри, Пруссию – канцлер К.А. Гарденберг и министр просвещения и культа К.В. Гумбольдт. Переговоры, однако, завершились неудачей вследствие серьезных противоречий между их участниками. Россия претендовала на Великое герцогство Варшавское, образованное Наполеоном в 1807-1809 гг. из принадлежавших Австрии и Пруссии польских земель, но такое усиление России не отвечало интересам ее союзников. Пруссия намеревалась аннексировать союзную Наполеону Саксонию, однако против этого решительно выступала Австрия, намеревавшаяся превратить Германию в федерацию монархий под своим верховенством; австрийские Габсбурги планировали также установить свою гегемонию в Италии. Союзники были едины лишь в одном – лишить Францию ведущей роли в Европе и свести ее территорию к границам 1792 г. 22 сентября они договорились отстранить Францию вместе с Испанией, Португалией и Швецией от реального участия в работе Конгресса. Но прибывшей 23 сентября в Вену французской делегации во главе с министром иностранных дел князем Ш.-М. Талейраном удалось добиться полноправного участия в переговорах.

Конгресс открылся в начале ноября 1814 г.; на нем присутствовало 450 дипломатов из 126 европейских государств, за исключением Турции. Решения принимались на совещаниях представителей пяти держав (Россия, Великобритания, Пруссия, Австрия, Франция) или в особых органах – комитете по германским делам (создан 14 октября), комитете по швейцарским делам (14 ноября), статистической комиссии (24 декабря) и т.д.

Основным и самым острым вопросом оказался польско-саксонский. Еще на стадии предварительных переговоров (28 сентября) Россия и Пруссия заключили тайное соглашение, по которому Россия обязывалась поддерживать притязания Пруссии на Саксонию в обмен на поддержку ее притязаний на Великое герцогство Варшавское. Но эти планы натолкнулись на противодействие Франции, не желавшей расширения прусского влияния в Северной Германии. Апеллируя к принципу легитимизма (восстановления законных прав), Ш.-М. Талейран привлек на свою сторону Австрию и мелкие германские государства. Под давлением французов английское правительство также изменило свою позицию в пользу саксонского короля Фридриха-Августа I. В ответ Россия вывела свои оккупационные войска из Саксонии и передала ее под управление Пруссии (10 ноября). Возникла угроза раскола Шестой коалиции и военного конфликта России и Пруссии с Великобританией, Австрией и Францией. 7 декабря германские государства выступили с коллективным протестом против прусской оккупации Саксонии. Тогда Россия и Пруссия предложили создать на левом берегу Рейна государство под верховенством Фридриха-Августа I в качестве компенсации за его отказ от Саксонии, но этот проект был решительно отвергнут остальными участниками Конгресса. 3 января 1815 г. Р.С. Каслри, К.Л. Меттерних и Ш.-М. Талейран заключили тайный договор, предусматривавший согласованные действия в польско-саксонском вопросе. России и Пруссии пришлось пойти на уступки, и к 10 февраля стороны достигли компромиссного решения.

Предметом обсуждения на Конгрессе были и другие важные проблемы – политическое устройство Германии и границы германских государств, статус Швейцарии, политическая ситуация в Италии, судоходство по международным рекам (Рейн, Маас, Мозель и др.), торговля неграми. Попытка России поставить вопрос о положении христианского населения в Османской империи и о предоставлении ей права вмешиваться в его защиту не встретило понимания других держав.

Одним из наиболее сложных оказался вопрос о Неаполитанском королевстве. Франция потребовала лишить наполеоновского маршала И. Мюрата неаполитанского престола и восстановить местную ветвь династии Бурбонов; ей удалось привлечь на свою сторону Великобританию. Однако планам свержения Мюрата воспротивилась Австрия, которая в январе 1814 г. гарантировала неприкосновенность его владений в качестве платы за измену Наполеону и за переход на сторону Шестой коалиции.

1 марта 1815 г. Наполеон, покинув место своей ссылки на о.Эльба, высадился во Франции. 13 марта державы-участницы Парижского мира объявили его вне закона и обещали помощь легитимному королю Людовику XVIII. Однако уже 20 марта режим Бурбонов пал; Мюрат, разорвав отношения с союзниками, вторгся в Папскую область. 25 марта Россия, Великобритания, Австрия и Пруссия образовали Седьмую антифранцузскую коалицию. Попытка Наполеона расколоть ее и договориться с Александром I потерпела неудачу. 12 апреля Австрия объявила войну Мюрату и быстро разгромила его армию; 19 мая в Неаполе была реставрирована власть Бурбонов. 9 июня представители восьми держав подписали Заключительный акт Венского конгресса.

Согласно его условиям, Россия получила большую часть Великого герцогства Варшавского. Пруссия отказалась от польских земель, сохранив лишь Познань, но приобрела Северную Саксонию, ряд областей на Рейне (Рейнская провинция), Шведскую Померанию и о. Рюген. Южная Саксония осталась под властью Фридриха-Августа I. В Германии вместо упраздненной Наполеоном в 1806 г. Священной Римской империи, состоявшей из почти двух тысяч государств, возник Германский союз, включивший 35 монархий и 4 вольных города, под главенством Австрии. Австрия вернула себе Восточную Галицию, Зальцбург, Ломбардию, Венецию, Тироль, Триест, Далмацию и Иллирию; престолы Пармы и Тосканы заняли представители дома Габсбургов; было вос-

становлено Сардинское королевство, которому передали Геную и возвратили Савойю и Ниццу. Швейцария получила статус вечно нейтрального государства, и ее территория расширилась за счет Валлиса, Женевы и Нефшателя. Дания лишилась Норвегии, которая перешла к Швеции, но получила за это Лауэнбург и два миллиона талеров. Бельгия и Голландия образовали королевство Нидерландов под властью Оранский династии; в его состав на основе личной унии вошел Люксембург. Англия закрепила за собой в Средиземном море Ионические о-ва и о. Мальту, в Вест-Индии о. Сент-Люсия и о. Тобаго, в Индийском океане Сейшельские о-ва и о. Цейлон, в Африке Капскую колонию; она добилась полного запрета работорговли.

Границы Франции были установлены уже после разгрома Наполеона при Ватерлоо (18 июня) и реставрации Бурбонов (8 июля): Второй Парижский мир 20 ноября 1815 г. вернул ее к границам 1790 г.

Венский конгресс явился первой попыткой установить прочный мир в Европе на основе коллективного соглашения всех европейских государств; заключенные договоры нельзя было расторгнуть в одностороннем порядке, но их можно было изменить с согласия всех участников. Для гарантии европейских границ в сентябре 1815 г. Россия, Австрия и Пруссия создали Священный союз, к которому в ноябре присоединилась Франция. Венская система обеспечила продолжительный период мира и относительной стабильности в Европе. Однако она была уязвимой, поскольку в большей степени исходила из политико-династического, а не национального принципа и игнорировала существенные интересы многих европейских народов (бельгийцев, поляков, немцев, итальянцев); она закрепила раздробленность Германии и Италии при гегемонии австрийских Габсбургов; Пруссия оказалась расчлененной на две части (западную и восточную), находившиеся во враждебном окружении.

3.2. Политические последствия Венского конгресса

Прежде всего, победители занялись проблемой реставрации, которая стала краеугольным камнем «венской системы». Главный вопрос заключался в том, на каких принципах проводить реставрацию в бывшей обширной империи Наполеона и во Франции. Уже с 90-х гг. XVIII в. отчетливо выявились два подхода к этому вопросу: австро-пруссский (полное восстановление дореволюционных порядков при максимальном ослаблении Франции вплоть до отторжения от нее части территорий) и русско-английский, предусматривавший определенное приспособление к новым социально-экономическим и политическим условиям послереволюционной Европы при сохранении государственной самостоятельности Франции как великой державы в противовес Пруссии и Австрии. При сохранении и даже обострении англо-русских противоречий в период создания «венской системы» сама установка России и Англии о принципах реставрации возобладала. Были отвергнуты домогательства «старого» эмигрантского французского дворянства восстановить дореволюционные феодальные порядки и конфискованную дворянскую собственность.

В основу социально-политической реставрации по первому Парижскому миру 30 мая 1814 г. между Францией и четырьмя державами-победительницами – Россией, Австрией, Англией и Пруссией – были положены условия англо-русской конвенции «О мерах к установлению мира в Европе», подписанной (в связи с созданием третьей коалиции) в 1805 г.

«Сто дней» Наполеона изменили сравнительно легкие условия первого Парижского мира. По условиям второго Парижского мира на Францию была наложена контрибуция в 700 млн золотых франков, а до ее выплаты северо-восточные департаменты оккупировались союзными войсками. В армии и государственном аппарате была про-

ведена чистка, а деятельность французского правительства в 1815-1818 гг. поставлена под полный контроль постоянной конференции четырех союзных послов в Париже. Однако и второй Парижский мир 20 ноября 1815 г. не изменил основных социально-политических принципов первой реставрации.

В целом условия первого и второго Парижского мира означали, что союзники (прежде всего, Англия и Россия) в определенной мере осознавали необратимость тех грандиозных буржуазных социально-экономических и политических изменений, которые произошли в стране за двадцать лет революции и наполеоновских войн, и в своих практических решениях о судьбах Франции после свержения Наполеона вынуждены были с этим считаться.

Другим краеугольным камнем «венской системы» стало территориальное переустройство в Европе. Решение территориальных проблем началось на переговорах о первом Парижском мире и завершилось в целом на Венском конгрессе, который принял 9 июня 1815 г. Заключительный (Генеральный) акт из 121-й статьи, зафиксировавший новые границы Европы.

Заключительный акт (несмотря на попытки Пруссии в ходе Венского конгресса отторгнуть от Франции Эльзас и Лотарингию) подтвердил решения первого Парижского мира (1814) о границах Франции: она была лишена всех завоеваний, но сохраняла свою территорию в границах на январь 1792 г., т.е. до начала революционных войн, даже с некоторым добавлением за счет соседних государств. После же «ста дней», по условиям второго Парижского мира (1815), Франция лишилась нескольких приграничных пунктов и территорий, сохраненных за нею по условиям первого Парижского мира. Однако претензии Пруссии на французские земли на левом берегу Рейна были вновь отклонены. В целом вопрос о французских границах был решен в пользу Франции.

Иначе подошел Венский конгресс к вопросу о границах Германии и Италии. Была сохранена территориальная раздробленность обоих государств, что в корне противоречило национальным устремлениям немецкого и итальянского народов. Развитие национального движения в этих странах в дальнейшем будет создавать постоянную угрозу Заключительному акту Венского конгресса о европейских границах.

В Германии решения Венского конгресса молчаливо санкционировали упразднение Наполеоном в 1806 г. Священной Римской империи, но сохранили вместо нее политический конгломерат из 34 государств и четырех вольных городов, объединенных в эфемерный Германский союз под верховенством Австрии. Откликом на требование времени было включение в «Союзный акт» специальной статьи (13-й), которая предусматривала введение в государствах Союза «сословно-представительных конституций» (в дальнейшем, за некоторыми исключениями, это постановление осталось невыполненным). Внутри Германского союза конгресс произвел частичное перераспределение земель и «нарезал» новые границы (уменьшил площадь выступавшей в союзе с Наполеоном Саксонии, увеличил территории Баварии, Бадена, Вюртемберга и т.д.). Но главное было в том, что конгресс сохранил и закрепил государственную раздробленность Германии (хотя число государств значительно уменьшилось сравнительно с периодом до 1789 г.).

Творцы «венской системы» восстановили государственно-территориальное устройство Италии в основном в том виде, каким оно было до вторжения французских войск на Апеннинский полуостров в 90-е гг. XVIII в. Страна оказалась снова разделенной на ряд государств: Сардинское королевство, герцогства Парма, Модена и Тоскана, княжество Лукка, Папское государство и Неаполитанское королевство. Ломбардия и Венеция были переданы Австрии, они образовали в составе империи Ломбардо-

Венецианскую область. На престолы восстановленных монархий вернулись феодальные правители.

В сочетании с владениями австрийской короны в Северной Италии господство в этих государствах обеспечивало Австрии преобладающее влияние в итальянских делах. Габсбурги стали главными защитниками реакционных режимов на Апеннинском полуострове и яростными противниками (наряду с папой римским) объединения Италии в 20-60-х гг. XIX в.

В интересах одного из активных участников шестой антинаполеоновской коалиции 1813-1814 гг. – Швеции – был решен скандинавский вопрос. Норвегия, до 1814 г. находившаяся под господством союзницы Наполеона – Дании, была передана Швеции на принципах личной унии. Передача Норвегии рассматривалась как компенсация за потерянную в 1809 г. Финляндию, вхождение которой в состав Российской империи подтвердил Заключительный акт Венского конгресса. Характерно, что создатели «венской системы», не желая обострять национальный вопрос ни в Швеции, ни в России, сохранили как относительную автономию Финляндии, так и довольно широкую автономию Норвегии. От всех этих территориальных перекроек в Скандинавии больше всех потеряла Дания, низведенная Венским конгрессом до роли третьестепенной державы Северной Европы.

Наряду с решением таких крупных регионально-территориальных вопросов, как германский, итальянский и скандинавский, конгресс определил судьбу и других европейских народов.

Старый объект притязаний Франции, Испании и Австрии – Южные Нидерланды (Бельгия), включенные в 1810 г. Наполеоном в состав Франции, были присоединены к Голландии. Австрийские Габсбурги навсегда отказались от притязаний на Бельгию. Государственная самостоятельность Голландии во главе с принцем Оранским была восстановлена на Венском конгрессе как противовес Пруссии и Франции. Новое государство получило название Нидерландского королевства. В нем была введена умеренная конституция английского типа, которая ограничивала власть короля и гарантировала право политического убежища.

Восстанавливались государственная самостоятельность и республиканское устройство Швейцарии как конфедерации союзных кантонов, «свободных, независимых и нейтральных». Был объявлен «вечный нейтралитет» Альпийской республики (им она пользуется до сих пор), ей гарантировалась конституция. Принятая в 1815 г., эта конституция концентрировала власть в руках аристократии, городского патрициата, клерикалов, однако феодальные повинности и цехи, сметенные в ходе Французской революции и войн, не были восстановлены.

Дележ наполеоновского наследства проходил далеко не гладко. Наибольшие разногласия вызвал польско-саксонский вопрос. С момента открытия Венского конгресса Александр I дал отчетливо понять своим партнерам по переговорам, что он настаивает на передаче России территории упраздненного польского герцогства Варшавского. Чтобы привлечь на свою сторону Пруссию, он поддержал прусские притязания на земли саксонского короля – союзника Наполеона I. Однако этим планам решительно воспротивились Англия и Австрия, которые стремились предотвратить рост влияния России. К ним примкнула Франция Бурбонов (ее представлял на Венском конгрессе Талейран).

К концу 1814 г. разногласия недавних союзников из-за судеб Саксонии и Польши настолько обострились, что в воздухе запахло новой войной. Австрийский император публично объявил, что если Саксония перейдет к Пруссии, то Австрия объявит ей войну. Разногласия привели к подписанию 3 января 1815 г. секретного «оборонительного военного союза» между Англией, Австрией и Францией, направленного против России

и Пруссии. Позднее к этому секретному договору присоединились Бавария, Ганновер и Голландия. Антинаполеоновская коалиция оказалась на грани развала.

Вряд ли участники договора 3 января всерьез помышляли о новой крупной войне в Европе: слишком велика была усталость народов от напряженных войн наполеоновской эпохи, да и военно-экономические ресурсы его участников (особенно Франции) были крайне истощены. В конечном итоге царь смягчил свою позицию и пошел на уступки в польско-саксонском вопросе. 11 февраля 1815 г. по нему было подписано соглашение. Этот вопрос решился на основе компромисса. Пруссии не удалось получить всю Саксонию, но к ней отошла ее экономически наиболее развитая часть. В порядке компенсации за частичное (по мнению Пруссии) решение польско-саксонского вопроса она получила западно-немецкие земли вдоль Рейна с населением более 100 тыс. человек, побережье Балтики (так называемая Шведская Померания), а также небольшую часть герцогства Варшавского с городом Познань. Особенно важным было приобретение развитых областей по Рейну и в Вестфалии (Рурский угольный бассейн). В результате перекроек германских границ Пруссия стала граничить с Францией и Нидерландами; ее территория состояла теперь из двух частей – Восточной и Западной (рейнской) Пруссии, между которыми находились владения других германских государств. Это давало сторонникам прусско-юнкерской экспансионистской политики дополнительный аргумент для захвата новых земель в Северной Германии.

3 мая 1815 г. на основе договоров России, Австрии и Пруссии был осуществлен передел польских земель. К России перешла большая часть бывшего герцогства Варшавского с населением в 3,2 млн человек.

Договор 3 января 1815 г. имел однако другое важное последствие: он ускорил решение Наполеона, хорошо информированного о разногласиях на конгрессе, покинуть остров Эльбу и высадиться 1 марта 1815 г. на южном побережье Франции, начав таким образом эпопею «ста дней». Не случайно первой акцией Наполеона после занятия Парижа стала посылка Александру I подлинника договора 3 января, который Людовик XVIII, убегая из Парижа, впопыхах забыл на столе своего кабинета: ставка на раскол союзников была главным стратегическим расчетом Наполеона в период «ста дней». В итоге всех этих территориальных перекоек больше всех выиграли Австрия, Пруссия и Россия, которые и станут вплоть до Крымской войны главными стражами «венской системы». Австрия почти полностью вернула все территории (включая бывшие Иллирийские провинции – Далмацию), утерянные в 1800-1809 гг. в ходе наполеоновских войн, став отныне главным противником принципа национального самоопределения в Европе. Вновь, как и в XVIII в., сумела увеличить свои владения Пруссия, и ее влияние в Германии заметно возросло. За царской Россией помимо переданной ей большей части герцогства Варшавского Заключительный акт конгресса закрепил Финляндию (отвоюванную еще в 1809 г. у Швеции) и Бессарабию (отошедшую от Турции по мирному договору 1812 г.).

От зафиксированных в Заключительном акте территориальных перекоек формально менее всего выиграла Великобритания – в континентальной Европе она не получила ни одного квадратного километра. Тем не менее фактическое влияние Англии на европейские дела после Венского конгресса чрезвычайно усилилось. Воздействие Англии проявлялось как через ее участие в «трактатах 1815 г.» (прежде всего, в Четверном союзе России, Австрии, Пруссии и Великобритании), так и через зависимые в финансово-экономическом или династическом отношении малые государства Европы. В Германском союзе таким государством стало королевство Ганновер, наследственное владение английских королей, территория которого под давлением английских представителей на конгрессе была значительно расширена. Проводником английской политики стал и Вильгельм I Оранский, глава нового Нидерландского королевства.

Территориальные приобретения (не отраженные в Заключительном акте конгресса, поскольку англичане воспротивились включению в него колониальных проблем) были сделаны Великобританией за пределами Европы. За ней остались захваченные в ходе наполеоновских войн бывшие голландские (Капская провинция в Южной Африке, остров Цейлон и др.), французские (остров Мальта, Ионические острова, Сейшельские острова, остров Тобаго и др.), а также некоторые испанские и португальские колонии.

Наряду с вопросами о границах в Европе участники Венского конгресса попытались решить несколько мировых экономических и дипломатических проблем. К их числу относились запрет работорговли, свобода судоходства по европейским рекам и конвенция по определению старшинства дипломатических представителей.

С инициативой об отмене работорговли выступила Англия: запретив в 1807 г. работорговлю в своих владениях, она не хотела, чтобы на ней наживались другие государства (прежде всего, Испания, Португалия, южные штаты США). Добиться запрета не удалось; все же в 1815 г. Венский конгресс принял декларацию об осуждении работорговли в принципе, но каждой державе предоставлялось право самой определить сроки ее ликвидации.

В марте 1815 г. была принята конвенция по определению старшинства дипломатических представителей, заменившая сметенный Французской революцией средневековый дипломатический этикет и ранги (выше всех – император Священной Римской империи, португальский король – главнее английского короля и т. д.). Конвенция привела дипломатический протокол в соответствие с реальной расстановкой сил. Все короли и императоры (т. е. Англия, Австрия, Россия, Пруссия и др.) попали в первый ранг, во второй – князья и великие герцоги (а также республиканские США и Швейцария), остальные – в третий. Дипломатов тоже разбили на ранги: послы, посланники, поверенные в делах.

3.3. Образование Священного Союза и консервативно-монархическая реакция в Европе

Инициатива создания реакционного Священного союза, который был оформлен в сентябре 1815 г., принадлежала Александру I, подписавшему вместе с прусским королем Фридрихом и австрийским императором Францем соответствующий трактат. Позже к этому соглашению присоединились другие страны. Англия, формально не вошедшая в Священный союз, во многих случаях поддерживала его реакционную политику.

Турция не вошла и не могла войти в Священный союз, так как он официально был союзом христианских государств. Первое время правящие круги Турции опасались, что религиозная христианская фразеология Священного союза означает угрозу Турции как мусульманскому государству. Однако вскоре выяснилось, что эти опасения беспочвенны. Организаторы Священного союза меньше всего помышляли об освобождении угнетавшихся турецкими феодалами народов. Священный союз был «союзом государей против их народов».

Реакционный трактат Священного союза, подписанный 14 (26) сентября 1815 г. в Париже, был весь пронизан религиозно-мистической фразеологией. В нем говорилось, что Священный союз создается во имя «нераздельные троицы», что государи, подписавшие этот документ, «возложили свое упование и надежды на единого бога», что они будут «как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сея святыя веры» и т. д.

Никто из участников этой организации не обманывался, конечно, на счет того, что за религиозно-мистической оболочкой скрывались реакционные цели – борьба с рево-

люционным движением в Европе. Члены Священного союза считали главной своей задачей подавление революции, где бы она ни проявлялась.

В этом вопросе Александр I нашел себе весьма активного сотрудника в лице австрийского канцлера Меттерниха.

Организация Священного союза встречала поддержку реакционных кругов во многих странах Европы. Русские крепостники, австрийская знать, прусские юнкера и подобные им реакционные элементы в других странах были приверженцами Священного союза и всемерно поддерживали его политику удушения демократических сил Европы. С этого момента русский царизм начал выступать в качестве жандарма Европы.

Не случайно, поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс называют конгрессы Священного союза «бандитскими», так как они были посвящены борьбе с революцией в Европе.

Создатели Священного союза, организовав силы реакции в европейском масштабе, обрушивали их на страны, в которых поднималось революционное движение.

Конгрессы Священного союза состоялись в Аахене в 1818 г., в Троппау и Лайбахе в 1820-1821 гг., в Вероне в 1822 г. На Аахенском конгрессе центральным вопросом был вопрос о Франции.

В собственноручной записке Александра I о теме переговоров в Аахене было записано:

«3. Должно ли допустить Францию в общий союз европейских государств без всякой предосторожности, или:

4. Не налагает ли болезненное состояние Франции на европейские державы обязанности принять меры, которые были бы способны предохранить их от заразы, могущей явиться оттуда, и вместе с тем оказались бы благотворными для самой Франции, поддерживая в ней спокойствие».

Признав, что Франции не угрожает опасность революции, решено было вывести из Франции оккупационные войска и принять ее в «клоно» Священного союза.

Последующие конгрессы Священного союза в Троппау и Лайбахе (1820-1821) обсуждали вопрос о подавлении революции в Неаполе и Пьемонте (в Италии).

По решению конгресса, принятому в Троппау, австрийские войска вступили в Неаполь и подавили в марте 1820 г. происходившую там революцию.

Для удушения революции в Пьемонте, по решению конгресса, были направлены австрийские и русские войска. Русские войска не успели прийти в Пьемонт. Восстание там было задавлено австрийскими войсками.

Русские войска явно не торопились. Командующий, ими генерал Ермолов в своих записках писал: «Конечно, не было доселе примера, чтобы начальник, предназначенный к командованию армией, был столько, как я, доволен, что война не имела места». На конгрессе в Троппау было также решено исключать из Священного союза страны, в которых происходит революция. На последнем конгрессе Священного союза, происходившем в Вероне в 1822 г., решался вопрос об удушении революции в Испании и о подавлении восстания в Греции.

Революция в Испании вспыхнула в январе 1820 г. Совершена она была путем военного переворота, во главе которого стояли офицеры испанской армии Риго и Квируга. Испанский король Фердинанд VII поневоле подписал манифест о созыве кортесов (парламента) и восстановлении либеральной конституции 1812 г. Создатели Священного союза сочли эти события опасными, и Веронский конгресс резко выступил против испанской революции. По решению Веронского конгресса, Франция направила в Испанию 100-тысячную армию и подавила там революцию.

Восстание в Греции против гнета турецкого султана и его феодалов началось в марте 1821 г. Вскоре оно охватило всю Грецию, и в начале 1822 г. Национальное собрание провозгласило независимость Греции. Освободительной борьбе греческого

народа помогали лучшие представители других стран. В борьбе за освобождение Греции погиб великий английский поэт Байрон, участвовавший добровольцем в рядах повстанцев. В России сочувствие греческому восстанию было очень сильно. Первые тайные организации (гетерии), ставившие своей целью борьбу за освобождение Греции, были созданы на территории России – в Одессе. Отрядом, двинувшимся из Бессарабии в Грецию, руководил Ипсиланти – грек, офицер русской службы. За это Александр I исключил Ипсиланти из рядов русской армии.

Хотя отряд Ипсиланти потерпел поражение, движение в Греции развернулось широкой волной. Греческому восстанию сочувствовали декабристы. Пестель, как известно, специально посланный военным министерством для изучения этих событий, писал докладные записки в духе сочувствия освободительной борьбе греков и необходимости помощи со стороны России. Позиция Александра I в греческом вопросе была непоследовательной и противоречивой. С одной стороны, в целях укрепления влияния России на Балканы, он стоял за поддержку греков и за освобождение их от турецкого владычества и, как будто бы, готов был поддержать освободительное движение, развернувшееся в Греции и вообще на Балканах, но с другой – он как один из главарей Священного союза боялся революции и считал пример Греции опасным для других стран.

Однако дело было не только в этом; стремление России к укреплению на Балканах, и в частности стремление Александра I к созданию под своим влиянием независимого от Турции греческого государства, встретило сопротивление со стороны Англии и в известной мере также и Австрии. По этим двум причинам Александр I не рискнул вмешаться в разрешение греческого вопроса военным путем, хотя дипломатические отношения с Турцией им были прерваны и русский посланник был отозван из Турции. Попытка разрешить вопрос дипломатическим давлением на Турцию объединенным фронтом с Англией и Австрией также провалилась из-за взаимной конкуренции и несогласованности. Когда же движение в Греции развернулось очень широко, английское правительство, воспользовавшись нерешительностью русского правительства в греческом вопросе, решило для усиления своего влияния предоставить в 1824 г. Греции заем. Реальной пользы от этого греки не получили, но сам этот жест явно имел целью подрыв влияния России на Балканах.

Попытка созвать в Петербурге конгресс Священного союза для разрешения греческого вопроса не удалась, так как никто из монархов европейских стран не приехал. Вместо этого в 1824 г. состоялась конференция, продолжавшая свою работу в 1825 г. Характерно, что Англия отказалась в 1825 г. от участия в конференции. На конференции было принято предложение обратиться к Турции с предложением о том, чтобы она допустила вмешательство европейских стран для рассмотрения вопроса об «устройстве» балканских народов. Это решение существенной роли не сыграло, так как турецкий султан и после этого по-прежнему истреблял греков и расправы турецких феодалов в Греции и вообще на Балканах продолжались.

Таким образом, Александр I не рискнул оказать Греции серьезную помощь, он был связан той реакционной политикой, которую проводил Священный союз в Европе.

Реакционный курс, проводившийся Александром I на международной арене, переплетался с реакционной политикой, проводимой им внутри страны.

3.4. Венская модель международных отношений (основные характеристики)

Венский конгресс сыграл ключевую роль в формировании стойкой парадигмы отношений между ведущими европейскими государствами. Началась эпоха «Европейского концерта» – баланса сил между европейскими государствами. Европейский концерт

базировался на общем согласии больших государств: России, Австрии, Пруссии, Франции, Великобритании. Любое обострение отношений между ними могло привести к разрушению международной системы.

Венская система обладала следующими отличительными характеристиками:

1. В отличие от Вестфальской системы международных отношений элементами Венской системы выступали не только государства, но и коалиции государств.

2. Одной из основ европейского концерта стал принцип поддержания баланса сил. Ответственность за это полагалась на большие государства. Эта ответственность реализовывалась через проведение большого количества международных конференций для урегулирования проблем, которые угрожали миру. Среди таких конференций большое значение имели Парижский конгресс 1856 г., Лондонская конференция 1871 г., Берлинская конференция 1878 г.

3. В пределах баланса сил характера международных государства могли изменять состав союзников для обеспечения собственных интересов, не в нарушение при этом общей структуры союзов и отношений.

4. Европейский концерт, оставаясь формой гегемонии больших государств, впервые эффективно ограничил свободу действий этих государств на международной арене.

5. Хотя аннексии и контрибуции оставались формами международной практики, большие государства уже не рассматривали в качестве реальной цели расчленения или ликвидацию другой большой державы.

6. Во времена существования Венской системы понятия политического равновесия приобретает более широкое толкование. Благодаря установленному Венской системой баланса сил войны и вооруженные конфликты в Европе временно почти прекращаются за исключением незначительных.

7. Венская международная система имела целью утверждение установленного в результате наполеоновских войн соотношения сил, закрепления границ национальных государств. Россия окончательно закрепила за собой Финляндию, Бессарабию и расширила свои западные границы за счет Польши, разделив ее между собой, Австрией и Пруссией.

8. Венская система зафиксировала новую географическую карту Европы, новое соотношение геополитических сил. В основу этой системы был положен имперский принцип контроля географического пространства в пределах колониальных империй. Во время Венской системы окончательно сформировались империи: Британская (1876), Немецкая (1871), Французская (1852). В 1877 г. турецкий султан взял себе титул «Император османов». Россия стала империей значительно раньше – в 1721 г.

9. Невзирая на конец глобальной изолированности цивилизаций и культур, Венская система, как и предыдущая Вестфальская, имела евроцентристский характер. Вестфальская система сначала не имела глобальный характер, охватывала Западную и Центральную Европу. Позже она интегрировала к сфере своего действия Восточную Европу, Россию, Средиземноморье, Северную Америку. Венская система международных отношений охватывала, фактически, лишь европейское пространство, и в некоторой степени, те территории, за которые ведущие государства Европейского концерта вели колониальную борьбу или управляли как колониями. Вне пределов Венской системы остался Китай, который в результате Опиумных войн и навязанных ведущими европейскими государствами неравноправных договоров был поставлен в полуколониальное положение. Япония, которая во второй половине XIX в. начала «открываться» для мира, также не была приобщена к Венской системе. В то же время в период Венской системы европейская история начала постепенно превращаться в мировую.

10. На Венском конгрессе не были официально закреплены колонии. Одной из главных причин Первой мировой войны (1914-1918 гг.) станет именно борьба за перераспределение колониальных империй.

Особенности Венской системы заключались не только в общей заинтересованности сохранения статус-кво, но и в разнице цивилизационного и модернизационного уровня его участников. Великобритания и Франция уже вступили в процесс научно-технического прогресса; Австрия и Пруссия в этой сфере значительно отставали. Особенностью геополитической реальности того времени стало то, что Россию, ведущее государство Венского конгресса, гаранта мира и стабильности в Европе, технический прогресс вообще еще почти не коснулся.

При развитии Венской системы её участники были одинаковы по сущности (монархии), поэтому долгое время она была однородна.

Исследователи отмечают исключительную стойкость системы. Несмотря на войны, революции, международные кризисы данная система международных отношений осталась практически неизменной. Фактически с момента Венского конгресса до начала Первой мировой войны перечень ведущих держав не изменился.

Те принципы, которые разделяли правящие элиты ведущих держав, отличались схожестью в видении международных ситуаций. Фактически это приводило к стремлению ведущих держав решать международные проблемы путем компромиссов и коалиционных соглашений.

Время существования европейского концерта стало периодом развития классической дипломатии. Система Европейского концерта охватывала политическую сферу, и влияние внутриэкономических процессов на внешнюю политику было опосредованным, проявлялось только в наиболее кризисных ситуациях. Сфера дипломатии имела исключительную автономию в решении определенных проблем. Поэтому дипломаты не были ограничены какими-то внутривнутриполитическими или экономическими факторами. В период существования системы Европейского концерта были сформулированы и приняты всеми цивилизованными странами единые нормативные акты о мирном разрешении конфликтов, а также о ведении военных действий, об обращении с пленными и др. Интересы практически всех великих европейских держав (кроме Великобритании и России) были сосредоточены в Европе. Одновременно в мире активно происходила колонизация.

4. ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Версальский договор. Основные положения

Основу Версальско-Вашингтонской системы международных отношений составил Версальский договор, подписанный 28 июня 1919 г. в Версальском дворце (Франция). Субъектами данного соглашения стали: Германия, Великобритания, Франция, Италия, Япония и др. Версальский договор официально завершил Первую мировую войну (1914-1918 гг.), подвел ее итоги и заложил, таким образом, основы послевоенного мироустройства.

Условия Версальского договора были выработаны (после длительных секретных совещаний) на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Договор вступил в силу 10 января 1920 г., после ратификации его Германией и четырьмя главными союзными державами – Великобританией, Францией, Италией и Японией. Сенат США отказался от ратификации из-за нежелания США связывать себя участием в Лиге Наций (где преобладало влияние Великобритании и Франции), устав которой был составной частью

Версальского договора. Взамен этого договора США заключили с Германией в августе 1921 г. особый договор, почти идентичный Версальскому, но не содержащий статей о Лиге Наций.

Версальский мирный договор имел целью закрепление передела мира в пользу держав-победительниц. По нему Германия возвращала Франции Эльзас – Лотарингию (в границах 1870 г.); передавала Бельгии округа Мальмеди и Эйпен, а также так называемую нейтральную и прусскую части Морене; Польше – Позен (Познань), части Померании (Поморья) и другие территории Западной Пруссии; г. Данциг (Гданьск) и его округ был объявлен «вольным городом»; Мемельская (Клайпедская) область (Мемельланд) передана под управление держав-победительниц (в феврале 1923 г. присоединена к Литве).

Вопрос о государственной принадлежности Шлезвига, южной части Восточной Пруссии и Верхней Силезии должен был быть решён плебисцитом. В результате часть Шлезвига перешла в 1920 г. к Дании, часть Верхней Силезии в 1921 г. – к Польше, южная часть Восточной Пруссии осталась у Германии; к Чехословакии отошёл небольшой участок силезской территории.

Земли на правом берегу Одера, Нижняя Силезия, большая часть Верхней Силезии и другие остались у Германии. Саар переходил на 15 лет под управление Лиги Наций, а по истечении 15 лет судьба Саара должна была решиться путём плебисцита. Угольные шахты Саара были переданы в собственность Франции.

По договору Германия признавала и обязывалась строго соблюдать независимость Австрии, а также признавала полную независимость Польши и Чехословакии. Вся германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной в 50 км подлежали демилитаризации. Германия лишалась всех своих колоний, которые позднее были поделены между главными державами-победительницами на основе системы мандатов Лиги Наций.

Передел германских колоний был осуществлён следующим образом. В Африке Танганьика стала подмандатной территорией Великобритании, район Руанда-Урунди – подмандатной территорией Бельгии, «Треугольник Кионга» (Юго-Восточная Африка) был передан Португалии (названные территории ранее составляли Германскую Восточную Африку), Великобритания и Франция разделили Того и Камерун; ЮАС получил мандат на Юго-Западную Африку. В Тихом океане в качестве подмандатных территорий к Японии отошли принадлежавшие Германии острова севернее экватора, к Австралийскому Союзу – Германская Новая Гвинея, к Новой Зеландии – острова Западное Самоа.

Германия по Версальскому мирному договору отказывалась от всех концессий и привилегий в Китае, от прав консульской юрисдикции и от всякой собственности в Сиаме, от всех договоров и соглашений с Либерией, признавала протекторат Франции над Марокко и Великобритании над Египтом. Права Германии в отношении Цзяочжоу и всей Шаньдунской провинции Китая отходили к Японии (вследствие этого Версальский договор не был подписан Китаем).

По Версальскому договору вооружённые силы Германии должны были быть ограничены 100-тысячной сухопутной армией; обязательная военная служба отменялась, основная часть сохранившегося военно-морского флота подлежала передаче победителям, были также наложены жёсткие ограничения на строительство новых боевых кораблей. Германии запрещалось иметь многие современные виды вооружения — боевую авиацию, бронетехнику (за исключением небольшого количества устаревших машин — бронированных автомобилей для нужд полиции). Германия обязывалась возмещать в форме репараций убытки, понесённые правительствами и отдельными

гражданами стран Антанты в результате военных действий (определение размеров репараций возлагалось на особую Репарационную комиссию).

Согласно статье 116 Версальского договора Германия признавала «независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 года», а также отмену Брестского мира 1918 и всех других договоров, заключённых ею с большевистским правительством. Статья 117 Версальского мирного договора ставила под сомнение легитимность большевистского режима в России и обязывала Германию признать все договоры и соглашения союзных и объединившихся держав с государствами, которые «образовались или образуются на всей или на части территорий бывшей Российской империи».

4.2. Вашингтонская конференция

Другим основанием Версальско-Вашингтонской системы международных отношений стали Вашингтонские соглашения, принятые по итогам одноименной конференции, проходившей с 11 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. в конгресс-холле **Constitution Hall**, в Вашингтоне.

В работе конференции принимали участие следующие государства: США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Португалия, а также пять британских доминионов, хотя основные вопросы решались тройкой сильнейших морских держав США – Британской Империей – Японией. Советская Россия не получила приглашения в Вашингтон, вследствие чего заявила о своём непризнании любых решений конференции.

Вашингтонская конференция была созвана по инициативе США, которые рассчитывали добиться благоприятного для себя решения вопроса о морских вооружениях и закреплении нового соотношения сил в Китае и в бассейне Тихого океана. Конференция также была направлена против национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. Советское правительство, не получившее приглашения на конференцию, заявило 19 июля и 2 ноября 1921 г. протест против устранения ее от участия в вопросах конференции, а 8 декабря 1921 г. направило протест против обсуждения на ней вопроса о Китайско-восточной железной дороге. В декабре 1921 г. в Вашингтон прибыла делегация Дальневосточной республики, но она не была допущена на конференцию.

Итогом работы Вашингтонской конференции стало подписание ряда договоров, определивших новую конфигурацию международных отношений и новый баланс сил в Тихоокеанском регионе.

Договор четырех держав от 13 декабря 1921 г. между США, Великобританией, Францией и Японией, который стал известен как «Четверной тихоокеанский трактат» или «Дальневосточная Антанта». Договор имел целью объединить силы союзников против национально-освободительного движения народов бассейна Тихого океана и Дальнего Востока. Согласно этому договору, подписанты обязались взаимно уважать права на острова и островные владения в Тихом океане. Договор предусматривал также (под давлением американской дипломатии) ликвидацию англо-японского союза 1902 г., направленного в тот период против планов США на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Против англо-японского союза высказывались и некоторые британские доминионы (в первую очередь Канада), которые опасались усиления Японии за счет Китая и других стран Дальнего Востока. Таким образом, соглашение юридически закрепляло статус-кво и временное равновесие четырёх держав в Тихоокеанском регионе.

Договор пяти держав, более известный как Вашингтонское морское соглашение 1922 г. Договор между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией об

ограничении морских вооружений. Соглашение устанавливало соотношение тоннажа линейных судов и авианосцев в следующей пропорции: 5:5:3:1,75:1,75 (США, Англия, Япония, Франция, Италия соответственно). Было также принято предложение США о запрещении постройки линкоров водоизмещения свыше 35 тыс. т. Соглашение было заключено на срок до 31 декабря 1936 г.

Договор девяти держав от 6 февраля 1922 г., подписанный всеми участниками конференции. Договор касался обеспечения гарантий территориальной целостности Китая, уважения его суверенитета, а также провозглашал принцип «открытых дверей и равных возможностей» по отношению к Китаю в области торговой и предпринимательской деятельности и обязывал не прибегать к использованию внутренней обстановки в Китае с целью получения специальных прав и привилегий, которые могут нанести ущерб правам и интересам иных государств-участников договора. Китай рассматривался участниками договора как общий объект эксплуатации. Этот договор был направлен против притязаний Японии на монопольное господство в Китае. Еще раньше, 4 февраля 1922 г., Япония вынуждена была подписать так называемое Вашингтонское соглашение – китайско-японское соглашение об эвакуации японских войск из китайской провинции Шаньдун, а также о возвращении Китаю железной дороги Циндао – Цзинань и территории Цзяочжоу. Глава японской делегации дал обязательство, что японское правительство не будет требовать от китайского правительства выполнения пятой группы «двадцати одного требования» Японии о назначении японских советников при китайском правительстве и др. Однако требование Китая о выводе японских войск из Южной Маньчжурии Япония отклонила. Одновременно с Договором девяти держав 6 февраля 1922 г. был подписан Трактат о китайском таможенном тарифе, где закреплялись таможенные неравноправия Китая.

4.3. Основные черты Версальско-Вашингтонской системы международных отношений

Версальско-Вашингтонская система международных отношений, сложившаяся в 1919-1922 гг., обладала следующими характеристиками:

1. Дискриминация положения побеждённых государств и Советской России. Так, Германия потеряла права на свои колонии, сильно ограничивалась во владении вооружёнными силами и подавлялась экономически через механизм репараций. Подобные условия были предусмотрены и для Турции, и для Болгарии, а Австро-Венгрия в целом прекратила существование. К тому же все побеждённые государства понесли значительные территориальные потери. Побеждённые государства на определённое время были «исключены» из ряда системообразующих элементов и преобразованы исключительно в объекты влияния Версальской подсистемы. Советская Россия, формально не будучи побеждённой, оказалась на начальном этапе также исключённой. Формальным признанием этого факта со стороны России считается Рапалльский договор 1922 г. После заключения договора начинается широкая кооперация между Германией и Советской Россией, которая, по своей сути, была «блоком оскорбленных», то есть держав, которые больше всего хотели пересмотра статус-кво системы.

2. Закрепление лидерства США, Великобритании и Франции в новой системе. Значительное территориальное, политическое и экономическое (в разной степени для этих стран) развитие стран-победительниц дало им фактически право коллегиального изменения характеристик международной системы и формирования ее принципов. Другие победители (наподобие Италии) остались на втором плане.

3. Политическая изоляция США от европейских дел. США после провала «14 пунктов» В. Вильсона взяли курс на изоляцию от международной политики в Европе, в

то же время в качестве приоритетного средства внешней политики в этом регионе избрали экономический фактор. План Дауэса (1920 г.), а также в известной мере план Юнга (1929 г.) продемонстрировали степень экономической зависимости стран Европы от США, которые стали на 1918 г. подавляющим кредитором, будучи до начала войны должником европейских стран.

4. Образование ряда новых суверенных субъектов международных отношений в Европе, внешняя политика которых на более поздних этапах развития системы оказала значительное влияние на развитие кризисных процессов.

5. Создание Лиги Наций – инструмента сохранения статус-кво в системе международных отношений. Этот инструмент, фактически подконтрольный Франции и Великобритании, оказался неэффективным в исполнении своих стабилизационных функций. Это стало свидетельством отсутствия крепкой договорно-правовой базы системы.

6. Мир постепенно перестает быть евроцентристским, международная система начинает превращаться в глобальную.

7. Для Версальско-Вашингтонской системы характерной была определена асинхронность в трансформационных процессах в двух основных подсистемах (европейской и дальневосточной), что, в свою очередь, приводило к последующей дестабилизации системы, то есть системные изменения в одной из подсистем со временем вызывали новый всплеск трансформаций в другой.

8. Специфический тип контроля, характерный для данной системы, который можно охарактеризовать как эгалитарно-иерархичный. Тогда как в рамках системы существовала определенная иерархия средств и субъектов системного контроля, на практике основные элементы контроля были оформлены в эгалитарный способ (коллективная безопасность, Лига Наций, международно-правовые соглашения универсального характера, и т.п.).

5. ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Новая система международных отношений, пришедшая на смену Версальско-Вашингтонской, получила название «Ялтинско-Потсдамская». Она была закреплена договорами и соглашениями Ялтинской и Потсдамской конференций.

5.1. Ялтинская конференция (4 -11 февраля 1945 г.)

Ялтинская конференция проходила в Крыму (СССР) с 4 по 11 февраля 1945 г. Участниками конференции являлись страны антигитлеровской коалиции: СССР, США, Великобритания. Каждую делегацию представлял лидер соответствующего государства: И.В. Сталин (СССР), Ф. Рузвельт (США), У. Черчилль (Великобритания).

В ходе конференции были согласованы военные планы держав в целях окончательного разгрома Германии, определено их отношение к Германии после её безоговорочной капитуляции и намечены основные принципы общей политики в отношении послевоенной организации мира.

Было решено, что после того как германское вооружённое сопротивление будет окончательно сокрушено, вооружённые силы СССР, США и Великобритании оккупируют Германию; причём войска каждой из упомянутых держав будут занимать определённую часть (зону) Германии. Предусматривалось также создание в Германии координированной союзнической администрации и установление контроля, осуществляемого через специально создаваемый контрольный орган, состоящий из главнокомандующих трёх держав, с местом пребывания в Берлине. При этом указывалось, что Франция

будет приглашена взять на себя определённую зону оккупации и участвовать в качестве четвёртого члена этого контрольного органа. Конкретное урегулирование вопроса относительно зон оккупации Германии было достигнуто ещё до Ялтинской конференции в Европейской консультативной комиссии и зафиксировано в «Протоколе Соглашения между правительствами СССР, США и Соединённого Королевства о зонах оккупации Германии и об управлении "Большим Берлином"» от 12 сент. 1944. Участники конференции заявили, что их непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии того, что «Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир», «разоружить и распустить все германские вооружённые силы и навсегда уничтожить германский генеральный штаб», «изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию...; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристическое влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа».

Вместе с тем в коммюнике К. к. подчёркивалось, что после искоренения нацизма и милитаризма германский народ сможет занять достойное место в сообществе наций. Состоялся обмен мнениями по вопросу о репарациях с Германии.

Ялтинская конференция приняла решение по вопросу создания Организации Объединённых Наций (ООН). Участники конференции определили, что 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско (США) будет созвана конференция Объединённых Наций, которая подготовит окончательный текст Устава ООН. Было условлено, что в основу деятельности ООН при решении кардинальных вопросов обеспечения мира будет положен принцип единогласия великих держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Конференция приняла «Декларацию об освобожденной Европе», в которой союзные державы заявили о своём стремлении согласовывать свои действия при решении политических и экономических проблем освобождённой Европы. В декларации говорилось: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

По вопросу «О Польше» в коммюнике Ялтинской конференции выражалось «общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу».

Была достигнута договорённость о создании правительства Польши на широкой основе, с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы.

По вопросу о Югославии конференция приняла ряд рекомендаций об образовании Временного объединённого правительства Югославии и создании Временного парламента на основе Антифашистского вече национального освобождения Югославии.

На Ялтинской конференции было принято «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока», в котором предусматривалось вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе. В соглашении было зафиксировано, в частности, что по окончании войны СССР будут возвращены южная часть о. Сахалин и все прилегающие к ней острова, переданы Курильские о-ва.

В коммюнике Ялтинской конференции три союзные державы выражали «реши-мость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и дей-

ствий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций».

5.2. Потсдамская конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.)

Потсдамская конференция проходила в г. Потсдам (Германия) с 17 июля по 2 августа 1945 г. Участниками конференции являлись три крупнейшие державы антигитлеровской коалиции: СССР, США, Великобритания. Советскую делегацию возглавлял И. В. Сталин, американскую – Г. Трумэн, английскую – У. Черчилль, а с 28 июля сменивший его на посту премьер-министра К. Эттли.

Определяющее место в повестке дня Потсдамской конференции занял германский вопрос. Главы трёх держав договорились осуществлять в период оккупации Германии согласованную политику. Её суть была сформулирована в виде принципов демилитаризации, демократизации и денацификации страны. Целью данного соглашения, подчёркивалось в итоговом документе конференции, «является выполнение Крымской Декларации о Германии». Три державы подтвердили, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены», с тем чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всём мире. Предусматривалось, что верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими вооружённых сил СССР, США, Англии и Франции, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям соответствующих правительств.

Была достигнута договорённость о полной демилитаризации и разоружении Германии: упразднении всех её вооружённых сил, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами (в том числе Генерального штаба) и учреждениями, учебными заведениями, военными и полувоенными организациями, ликвидации всей её военной промышленности или контроле над ней, а также уничтожении или сдаче союзникам всего вооружения и амунции. Намечались конкретные меры по перестройке политической жизни в Германии на демократической основе, в том числе: уничтожить фашистскую партию, её филиалы, подконтрольные организации и учреждения с тем, чтобы они не возродились ни в какой форме; отменить все нацистские законы, служившие интересам гитлеровского режима; предать суду военных преступников и всех тех, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских зверств; удалить всех активных нацистов с общественных и полуофициальных постов, а также с ответственных должностей в частных фирмах; реорганизовать в соответствии с принципами демократии системы образования, правосудия и местного самоуправления; разрешить и поощрять деятельность демократических политических партий; обеспечить уважение свободы слова, печати и религии.

Экономические принципы в отношении Германии предусматривали: запрещение производства вооружения, военного снаряжения, военных самолётов и морских судов всех типов; ограничение и строгое контролирование производства металлов, изделий машиностроения, химической продуктов и других предметов, необходимых для военной экономики; уничтожение чрезмерной концентрации экономической силы в форме картелей, синдикатов, трестов и т.д.

Конференция решила рассматривать Германию как единое экономическое целое.

При обсуждении экономических принципов советская делегация сумела преодолеть упорное сопротивление западных держав, стремившихся воспрепятствовать ликвидации военно-экономического потенциала Германии. Делегации США и Англии не согласились, однако с предложениями делегации СССР об установлении совместного контроля четырёх великих держав над Рурской областью – военно-экономической базой германского милитаризма. Такая позиция США и Англии свидетельствовала о

намерениях данных стран в будущем использовать Германию как своего союзника в борьбе против СССР.

Острая борьба велась на Потсдамской конференции по вопросу о репарациях. Делегации решили, что все четыре державы получают репарации из своих зон оккупации и за счёт германских вложений за границей; СССР дополнительно к этому – 25 % всего изымаемого из западной зоны промышленного оборудования, из них 15 % в обмен на эквивалентные поставки угля, продовольствия и других материалов.

Из своей доли репараций СССР удовлетворял репарационные претензии Польши. Все репарации подлежали выплате натурой в виде промышленного оборудования и поставок товаров. По предложению делегации СССР было принято решение о разделе надводных военных, а также торговых судов Германии поровну между СССР, США и Англией. Подводные лодки по предложению Англии подлежали потоплению. Раздел кораблей предусматривалось завершить не позднее 15 февраля 1946 г.

Конференция согласилась с советским предложением о передаче СССР г. Кенигсберг (Калининград) с прилегающим к нему районом. Было принято также согласованное решение о предании суду главных немецких военных преступников.

Конференция рассмотрела вопрос о Польше, определила её западные границы по линии Одер – Западный Нейсе. В состав Польши включалась и часть территории бывшей Восточной Пруссии. В соответствии с рекомендациями Крымской конференции 1945 к моменту созыва Потсдамской конференции в Польше было образовано правительство национального единства. Делегации США и Англии пытались вновь, как и в Ялте, навязать Польше ряд требований, в том числе расширения состава правительства за счёт реакционных элементов. Однако благодаря твёрдой позиции советской делегации США и Англия были вынуждены безоговорочно признать правительство национального единства Польши. В ходе работы П. к. делегации США и Англии неоднократно выступали против народно-демократического строя, установленного в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, пытались навязать конференции решения, означающие открытое вмешательство во внутренние дела народов этих стран.

Было решено начать подготовку проектов мирных договоров с Италией, Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией. Для этого учреждался специальный орган – Совет министров иностранных дел.

США и Англия вновь выдвинули перед СССР вопрос о его вступлении в войну против Японии. Советская делегация подтвердила готовность СССР выполнить свои обязательства, принятые на Крымской конференции.

5.3. Биполярный характер Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений базировалась на новом соотношении сил, сложившемся в результате Второй мировой войны. Наиболее характерным было усиление международных позиций США и СССР. Комитет начальников штабов США в своих рекомендациях государственному департаменту еще в августе 1944 г. отметил: «После разгрома Японии только США и СССР останутся первоклассными военными державами, что объясняется сочетанием географического положения и огромного военного потенциала».

Германия была разгромлена и на некоторое время перестала существовать как независимое государство, Япония капитулировала и превратилась в оккупированную страну. Италия была побеждена и утратила свое международное влияние. Франция переживала экономические и политические трудности и не могла более претендовать на ту ведущую роль, которую она играла до Второй мировой войны. Даже Великобрита-

ния, как это вскоре выявилось, вышла из войны ослабленной в финансовом и экономическом отношении, утратившей прочность и устойчивость своей империи. Определяющее влияние СССР и США на всю Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений придавал ей биполярный характер. Позднее СССР и США стали называть двумя сверхдержавами послевоенного мира. Они являлись гарантами новой системы международных отношений. Вместе с тем биполярность Ялтинско-Потсдамской системы не была абсолютной, СССР и США не могли контролировать все субъекты и события международной жизни. В 50-е гг. деколонизация способствовала формированию движения неприсоединения. Первая конференция неприсоединившихся стран состоялась в 1961 г. в Белграде. Участники движения неприсоединения положили в основу своей внешней политики принципы неучастия в военных блоках, отказа от предоставления своей территории для размещения иностранных военных баз, ликвидации колониализма, мирного урегулирования международных вопросов, развития равноправного сотрудничества и мирного сосуществования. Это движение вынуждено было считаться с биполярным характером расстановки сил на международной арене, но стремилось вырваться из логики блокового противостояния.

В 60-70-е гг. происходило становление новых центров силы: Западная Европа, Китай, затем Япония. Будучи не в состоянии конкурировать с СССР и США, эти новые центры силы все же заставили считаться со своим возросшим весом в международных делах. Тем не менее именно США и СССР являлись двумя полюсами Ялтинско-Потсдамской системы, ее опорами. Их определяющие позиции в рамках системы бесспорны, хотя они и не сводились к простому равенству, были асимметричны. США вступили в послевоенный мир с неоспоримым преобладанием в экономике и финансовой сфере. Западные авторы не зря называли США «арсеналом демократии» – их промышленное производство получило в ходе войны гигантский стимулирующий толчок.

Еще в июне 1944 г. конференция в Бреттон-Вудсе приняла решение о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, США получили определяющее влияние на деятельность этих международных финансовых институтов. Была создана Бреттон-Вудская система международных финансовых отношений. Она была ориентирована на преобладание доллара в международных расчетах и основывалась на свободном обмене доллара на золото по твердо установленному курсу: одна тройская унция золота за 35 долл.

США обладали прекрасной армией, получившей опыт боевых действий, громадными военно-воздушными силами, военно-морским флотом, более могущественным, чем все остальные флоты мира вместе взятые. В июле 1945 г. США провели успешное испытание ядерного устройства, а 6 и 9 августа сбросили первые атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Таким образом, США стали обладателем атомного оружия, они приобрели ядерную монополию, заметно усилившую их международные позиции. Они выступали против тоталитарных режимов и против классического колониализма.

США обладали громадным международным влиянием. Они внесли неоспоримый вклад в достижение победы над блоком агрессоров и военными, и экономическими усилиями (программа ленд-лиза).

Советский Союз вступил в послевоенный мир в ореоле основного победителя нацизма, важной силы в антигитлеровской коалиции. Героические усилия Красной армии и советского народа вызывали уважение и восхищение, порой опасения. По американским данным, советские вооруженные силы в августе 1945 г. насчитывали около 16 млн человек, а силы США – около 12 млн человек. Правда, объективные наблюдатели полагали, что Красная армия уступала западным союзникам по уровню и качеству

вооружения. В августе 1945 г. французские дипломаты сообщали из Вашингтона в Париж: «Что ни говори, Россия вышла из этой войны в состоянии усталости. Контакты, которые американские власти в Германии имели с советскими войсками, убедили их в бесспорном превосходстве армии Соединенных Штатов... У русских есть люди, но им не хватает техники». Тем не менее общий высокий уровень боеспособности Красной армии, одержавшей блистательные победы и овладевшей Берлином, не подвергался сомнению.

Советские войска к концу войны находились на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Они приняли участие в освобождении Югославии и Албании, небольшой пограничной территории Норвегии. Красная армия оккупировала Восточную Германию и восточную часть Австрии. Советские представители выполняли контрольные функции в Финляндии. Советские войска находились в северной части Ирана, куда они вступили в августе 1941 г., чтобы пресечь деятельность прогерманских кругов в этой стране. На Дальнем Востоке силы Красной армии заняли южную часть Сахалина и Курильские острова, отходившие по решениям «большой тройки» к СССР; они находились в Северо-Восточном Китае и в северной части Кореи. И.В. Сталин максимально использовал военно-политическую обстановку для достижения выгодных договоренностей с партнерами по антигитлеровской коалиции. Советское руководство отстояло возврат к границам СССР на июнь 1941 г., то есть закрепило включение в состав Советского Союза Западной Украины и Западной Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, а также изменения границы с Финляндией после «зимней войны» 1939-1940-х гг. Оно даже получило некоторые новые территориальные приобретения: город Кенигсберг с прилегающей территорией (ныне Калининград), район Петсамо на северном участке границы с Финляндией, Закарпатскую Украину (по договору между СССР и Чехословакией от 1945 г.), Южный Сахалин, Курилы.

К концу Второй мировой войны международное влияние Советского Союза заметно возросло. И. Сталин был полноправным участником встреч «большой тройки», вел интенсивную переписку с президентами США и главами правительств Великобритании. СССР заключил договоры о союзе (или дружбе) и послевоенном сотрудничестве и взаимопомощи с Великобританией, Францией, Чехословакией, Югославией, Польшей, Китаем. СССР стал одним из учредителей ООН и постоянным членом ее Совета Безопасности. Если до Великой Отечественной войны Советский Союз имел дипломатические отношения с 26 государствами, то к концу войны – уже с 52. В последний период войны СССР вместе с США и Великобританией играл главенствующую роль в решении проблем мировой политики и в немалой степени участвовал в определении дальнейшей судьбы ряда государств и народов.

Сталинское руководство использовало как инструмент своей международной деятельности коммунистическое движение. Несмотря на роспуск Коммунистического интернационала в мае – июне 1943 г., коммунистические партии по-прежнему ориентировались на Москву при выработке стратегической линии.

В странах Восточной и Юго-Восточной Европы коммунисты или сформировали правительства, или играли в них ведущую роль. Министры-коммунисты входили в состав правительств ряда стран Западной Европы: Италии, Франции, Бельгии, Дании и некоторых других. Итальянская и Французская компартии превратились в массовые и влиятельные партии, оказывавшие воздействие на всю политическую жизнь своих стран. В целом победа над фашизмом повлекла за собой дискредитацию традиционных правых сил в Европе и сдвиг влево, подъем демократического движения.

При асимметричности мощи и влияния СССР и США именно эти две державы заняли определяющее положение в Ялтинско-Потсдамской системе. Ее биполярность

усиливалась наличием у обеих держав союзников и сателлитов. СССР и США сформировали под своей эгидой международные экономические организации, военно-политические блоки, пропагандистско-идеологические организации.

5.4. Основные черты Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений

Произошла ликвидация многополярной организации структуры международных отношений, возникла биполярная структура послевоенных международных отношений, в которых ведущую роль играли два сверхгосударства – СССР и США. Значительный отрыв военно-силовых, политических, экономических и культурно-идеологических возможностей этих двух держав от других стран мира привел к формированию двух основных, доминирующих «центров силы», которые оказывали системообразующее влияние на структуру и характер всей международной системы.

Конфронтационный характер – системное, комплексное противостояние в экономической, политической, военной идеологической и других сферах, противостояние, которое время от времени приобретало характер острого конфликтного, кризисного взаимодействия. Такой вид противостояния в формате взаимных угроз использования силы, балансирования на грани реальной войны получил название «холодной войны».

Послевоенная биполярность складывалась в эпоху ядерного оружия, что привело к революции как в военных, так и в политических стратегиях.

Распределение мира на сферу влияния двух сверхгосударств как в Европе, так и на периферии, возникновение «разделенных» стран (Германия, Корея, Вьетнам, Китай) и становление военно-политических блоков под руководством СССР и США привели к глобализации и углубленной геополитической структуризации системного противостояния и конфронтации.

Послевоенная биполярность имела форму политико-идеологического противостояния, идеологической конфронтации между «свободным миром» стран западной демократии во главе с США и «социалистическим миром» во главе с СССР. США хотели установления в мире американской гегемонии под лозунгом «Рэх Americana», СССР утверждал о неотвратимости победы социализма в мировом масштабе. Идеологическая конфронтация, «борьба идей», приводила к взаимной демонизации противоположной стороны и оставалась важной чертой послевоенной системы международных отношений. Советско-американское противостояние выглядело, в первую очередь, как соперничество системы политических и этических идеалов, социальных и моральных принципов.

Послевоенный мир перестал быть преимущественно евроцентристским, международная система превратилась в глобальную, общемировую. Разрушение колониальных систем, становление региональных и субрегиональных подсистем международных отношений осуществлялось под доминирующим влиянием горизонтального распространения системного биполярного противостояния и тенденций экономической и политической глобализации.

Ялтинско-потсдамский порядок не имел крепкой договорно-правовой базы. Договоренности, которые легли в основу послевоенного порядка были или устными, официально не зафиксированными, или были закреплены преимущественно в декларативной форме, или же их полноценная реализация была заблокирована в результате остроты противоречий и конфронтацией между основными субъектами послевоенных международных отношений.

ООН, один из центральных элементов Ялтинско-Потсдамской системы, становилась главным механизмом координации усилий с целью исключения из международной

жизни войн и конфликтов путем гармонизации отношений между государствами и создания глобальной системы коллективной безопасности. Послевоенные реалии, неприемлемость конфронтационных отношений между СССР и США значительно ограничили возможность ООН реализовать свои уставные функции и цели. Главное задание ООН преимущественно сосредоточивалось на предупреждении вооруженного столкновения между СССР и США как на глобальном, так и региональном уровнях, то есть на поддержании стабильности советско-американских отношений в качестве основной предпосылки международной безопасности и мира в послевоенное время.

5.5. Ядерный фактор Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений

Важную роль в Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений играл ядерный фактор. Первыми обладателями ядерного оружия стали США. В июле 1945 г. они произвели первое успешное испытание ядерного устройства, а 6 и 9 августа того же года сбросили атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. (К другим применениям ядерного оружия, к счастью, не прибегала ни одна страна). Советский Союз стал обладателем атомной бомбы в августе 1949 г., объявлено об этом было в сентябре. Членами «атомного клуба» стали также Великобритания – 1952 г., Франция – 1960 г., Китайская Народная Республика – 1964 г.

Таким образом, США обладали атомной монополией с 1945 по 1949 гг. Но даже в этот период американское атомное оружие в сочетании с имевшимися средствами его доставки (стратегическими бомбардировщиками) не создавало реальной возможности для победы США в новой мировой войне. Поэтому и тогда атомная бомба скорее подкрепляла американскую внешнюю политику, делала ее более жесткой и напористой. Вместе с тем сталинское руководство стремилось продемонстрировать отсутствие излишней уступчивости перед американским атомным нажимом, что делало и советскую внешнюю политику менее склонной к компромиссам. Атомное оружие внесло свой вклад в генезис противостояния США и СССР, в формирование биполярной системы международных отношений.

Положение заметно изменилось после 1949 г., когда и США, и СССР стали обладателями ядерных арсеналов. Существенные новые элементы появились в ситуации с 1957 г., с успешного запуска первого советского искусственного спутника Земли, когда Советский Союз наладил производство межконтинентальных баллистических ракет, способных поражать территорию США. Ядерное оружие стало инструментом «сдерживания». Ни одна из двух сверхдержав не могла пойти на риск широкомасштабного конфликта перед угрозой ответного удара, способного нанести неприемлемый ущерб. СССР и США как бы блокировали друг друга. Ядерное оружие внесло качественно новые элементы в международные отношения. Его применение грозило уничтожением громадного числа людей и колоссальными разрушениями. Кроме того, его воздействие на атмосферу и радиоактивное заражение местности могло произвести губительное воздействие на обширные регионы земного шара и на планету в целом. Возможность применения ядерного оружия заставило пересмотреть классическую формулу немецкого военного теоретика XIX в. К. Клаузевица: «Война – это продолжение политики другими средствами». Достижение поставленных политических целей войной оказалось невозможным.

Ядерные потенциалы оказывали стабилизирующее воздействие на Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений. Они способствовали предотвращению опасной эскалации конфликтов, ранее зачастую приводивших к войне. При этом стабильность в рамках Ялтинско-Потсдамской системы была неустойчивой,

непрочной. Она основывалась на равновесии страха и достигалась через конфликты, кризисы, локальные войны, через разорительную гонку вооружений. В этом состояла несомненная опасность гонки ракетно-ядерных вооружений. И все же Ялтинско-Потсдамская система оказалась более устойчивой, чем Версальско-Вашингтонская, и не породила большую войну.

5.6. Карибский кризис как апогей противостояния СССР и США

1 января 1959 г. на о. Куба после долгой гражданской войны коммунистические партизаны во главе с Фиделем Кастро свергли правительство президента Батисты. США весьма встревожились перспективой получить у себя под боком коммунистическое государство. В начале 1960 г. администрация Президента США Д. Эйзенхауэра поручила ЦРУ создать, вооружить и тайно подготовить в Центральной Америке бригаду из 1400 кубинских эмигрантов для вторжения на Кубу и свержения режима Кастро. Администрация Кеннеди, получив в наследство этот план, продолжила подготовку к вторжению. Бригада высадилась в заливе Кочинос («Свиной»), на юго-западном побережье Кубы, 17 апреля 1961 г., но была разгромлена в тот же день: агентам Кубинской разведки удалось проникнуть в ряды бригады, таким образом план операции был заранее известен правительству Кубы, что дало возможность стянуть в район высадки значительное количество войск; кубинский народ, вопреки прогнозам ЦРУ, мятежников не поддержал; «путь спасения» в случае провала операции обернулся в 80 миль по непролазным болотам, где были добиты остатки высадившихся боевиков; «рука Вашингтона» была тотчас опознана, вызвав во всем мире волну негодования.

Данное событие подтолкнуло руководителя Кубы Фиделя Кастро к более тесному сближению с СССР, и летом-осенью 1962 г. на Кубе были размещены 42 ракеты с ядерными боеголовками и бомбардировщики, способные нести ядерные бомбы. Это решение, принятое на заседании Совета Обороны СССР в мае 1962 г., отвечало интересам обеих сторон – Куба получала надежное прикрытие («ядерный зонтик») от любой агрессии со стороны США, а Советское военное руководство сокращало полетное время своих ракет до американской территории. Как свидетельствуют современники, Хрущева крайне раздражал и пугал тот факт, что американские ракеты «Юпитер», размещенные в Турции, могут достигнуть жизненно важных центров Советского Союза всего за 10 минут, в то время как советским ракетам нужно 25 минут, чтобы достичь территории Соединенных Штатов.

Переброска ракет производилась в строжайшей тайне, однако уже в сентябре руководство США заподозрило неладное. 4 сентября президент Джон Кеннеди заявил, что США ни в коем случае не потерпят советских ядерных ракет в 150 км от своего берега.

В ответ Н. Хрущев заверил Д. Кеннеди, что никаких советских ракет или ядерных зарядов на Кубе нет и не будет. Установки, обнаруженные американцами на Кубе, он назвал советским исследовательским оборудованием. Однако 14 октября американский самолет-разведчик сфотографировал с воздуха стартовые площадки для ракет. В обстановке строгой секретности руководство США начало обсуждать ответные меры. Генералы предлагали немедленно разбомбить советские ракеты с воздуха и начать вторжение на остров силами морской пехоты. Но это привело бы к войне с Советским Союзом. Такая перспектива американцев не устраивала, так как никто не был точно уверен в исходе войны. Поэтому Джон Кеннеди решил начать с более мягких средств. 22 октября в обращении к нации он сообщил, что на Кубе обнаружены советские ракеты, и потребовал от СССР немедленно удалить их. Кеннеди объявил, что США начинают во-

енно-морскую блокаду Кубы. 24 октября по просьбе СССР срочно собрался Совет Безопасности ООН.

Советский Союз продолжал упорно отрицать наличие на Кубе ядерных ракет. Через несколько дней стало ясно, что США полны решимости любой ценой убрать ракеты. 26 октября Хрущев направил Кеннеди более примирительное послание. Он признавал, что на Кубе имеется мощное советское оружие. В то же время Никита Сергеевич убеждал президента, что СССР не собирается нападать на Америку. По его выражению, «Только сумасшедшие могут так поступать или самоубийцы, желающие и сами погибнуть, и весь мир перед тем уничтожить». Это изречение было очень нехарактерно для Хрущева, всегда умевшего «показать Америке ее место», но обстоятельства вынудили его к более мягкой политике.

Никита Хрущев предлагал Джону Кеннеди дать обязательство не нападать на Кубу. Тогда Советский Союз сможет вывезти с острова свое оружие. Президент Соединенных Штатов ответил, что США готовы принять на себя джентльменское обязательство не вторгаться на Кубу, если СССР заберет свое наступательное оружие. Таким образом, первые шаги к миру были сделаны.

Однако 27 октября наступила «черная суббота» Кубинского кризиса, когда лишь чудом не вспыхнула новая мировая война. В те дни над Кубой с целью устрашения дважды в сутки проносились эскадрильи американских самолетов. И вот 27 октября советские войска на Кубе сбили зенитной ракетой один из самолетов.

Ситуация накалилась до предела, президент США принял решение через двое суток начать бомбардировку советских ракетных баз и военную атаку на остров. План предусматривал 1080 самолетовылетов в первый же день боевых операций. Силы вторжения, дислоцированные в портах на юго-востоке США, насчитывали 180 тыс. человек. Многие американцы покидали крупные города, опасаясь скорого советского удара. Мир оказался на грани ядерной войны. Так близко к этой грани он никогда еще не был. Однако в воскресенье, 28 октября, советское руководство решило принять американские условия. Открытым текстом было передано послание президенту США. В Кремле уже знали о намеченной бомбардировке Кубы. «Мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами, – говорилось в послании, – согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве». Решение убрать с Кубы ракеты было принято без согласования с кубинским руководством. Возможно, так поступили намеренно, поскольку Фидель Кастро категорически возражал против удаления ракет. Международная напряженность стала быстро спадать после 28 октября. Советский Союз вывез с Кубы свои ракеты и бомбардировщики. 20 ноября США сняли морскую блокаду острова.

Кубинский (его называли также Карибским) кризис мирно завершился, однако он дал повод для дальнейших размышлений о судьбе мира. Во время многочисленных конференций с участием советских, кубинских и американских участников тех событий стало ясно, что на решения, принимавшиеся тремя странами перед кризисом и во время него, воздействовали неверная информация, неправильные оценки и неточные расчеты, искажавшие смысл событий. Бывший министр обороны США Роберт Макнамара в своих воспоминаниях приводит такие факты:

1. Уверенность советского и кубинского руководства в неизбежном скором вторжении армии США на Кубу, в то время как после провала операции в заливе Свиней у администрации Джона Кеннеди таких намерений не было.

2. В октябре 1962 г. советские ядерные боеголовки уже находились на Кубе, более того, в момент наивысшего накала кризиса они были доставлены из мест хранения в места развёртывания, в то время как ЦРУ докладывало, что никакого ядерного оружия на острове пока нет.

3. Советский Союз был уверен, что ядерное оружие можно будет доставить на Кубу тайно и об этом никто не узнает, а Соединенные Штаты никак на это не отреагируют и когда о его размещении станет известно.

4. ЦРУ сообщало о присутствии на острове 10 тыс. советских военнослужащих, в то время, как там их находилось около 40 тыс., и это помимо хорошо вооруженной 270-тысячной кубинской армии. Поэтому советско-кубинские войска, вдобавок вооруженные тактическим ядерным оружием, просто-напросто устроили бы «кровавую баню» высадившемуся американскому экспедиционному корпусу, результатом чего неминуемо стала бы неконтролируемая эскалация военного противостояния.

В целом Кубинский кризис повлиял на мир лишь благотворно, заставив СССР и США идти на взаимные уступки во внешней политике. Кризис стал переломным моментом в ядерной гонке и «холодной войне». Было положено начало разрядки международной напряженности. В западных странах началось антивоенное движение, пик которого пришёлся на 1960-е – 1970-е гг. В СССР также стали раздаваться голоса, призывающие к ограничению гонки ядерных вооружений и усилению роли общества в принятии политических решений.

Невозможно однозначно утверждать, стало ли удаление ракет с Кубы победой или поражением Советского Союза. С одной стороны, план, задуманный Н. Хрущёвым в мае 1962 г., не был доведён до конца, и советские ракеты уже не могли обеспечить безопасность Кубы; с другой – Н. Хрущёв добился от руководства США гарантий не нападения на Кубу, которые, несмотря на опасения Ф. Кастро, были соблюдены и соблюдаются по сей день. Через несколько месяцев американские ракеты в Турции, спровоцировавшие Хрущёва на размещение оружия на Кубе, были также демонтированы. В конце концов, благодаря техническому прогрессу в ракетостроении отпала необходимость размещения ядерного оружия на Кубе и в западном полушарии вообще, поскольку через несколько лет Советский Союз создал ракеты, способные достичь любого города и военного объекта в США непосредственно с территории СССР.

5.7. Организация объединённых наций как элемент Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений

Название Объединенные Нации, предложенное президентом Соединенных Штатов Франклином Д. Рузвельтом, было впервые использовано в Декларации Объединенных Наций 1 января 1942 г., когда во время Второй мировой войны представители 26 государств обязались от имени своих правительств продолжать совместную борьбу против стран оси.

Предшественником ООН была Лига Наций, организация, задуманная при схожих обстоятельствах во время Первой мировой войны и учрежденная в 1919 г. в соответствии с Версальским договором «для развития сотрудничества между народами и для обеспечения им мира и безопасности».

Международная организация труда также была создана в соответствии с Версальским договором в качестве ассоциированного с Лигой учреждения. Лига Наций прекратила свою деятельность вследствие своей неспособности предотвратить Вторую мировую войну.

В 1945 г. представители 50 стран собрались в Сан-Франциско на Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации, чтобы разработать Устав ООН. В основу работы делегаты положили предложения, выработанные представителями Китая, Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов в Думбартон-Оуксе в августе-октябре 1944 г. Устав был подписан 26 июня 1945 г. пред-

ставителями 50 стран. Польша, не представленная на Конференции, подписала его позднее и стала 51-м государством-основателем.

Организация Объединенных Наций официально существует с 24 октября 1945 г., к этому дню Устав был ратифицирован Китаем, Францией, Советским Союзом, Великобританией, Соединенными Штатами и большинством других подписавших его государств. Двадцать четвертое октября ежегодно отмечается как День Организации Объединенных Наций.

5.8. ООН сегодня. Структура ООН

На сегодняшний день ООН является крупнейшей универсальной международной правительственной организацией. В её состав входят 193 государства-члена. Из международно признанных независимых государств в ООН не входит лишь Ватикан, из частично признанных – САДР (Сахарская арабская демократическая республика), Палестина, Китайская Республика (Тайвань), Абхазия, Южная Осетия, Косово, Мальтийский орден, Северный Кипр.

Структура ООН представлена на рис. 5.1:¹

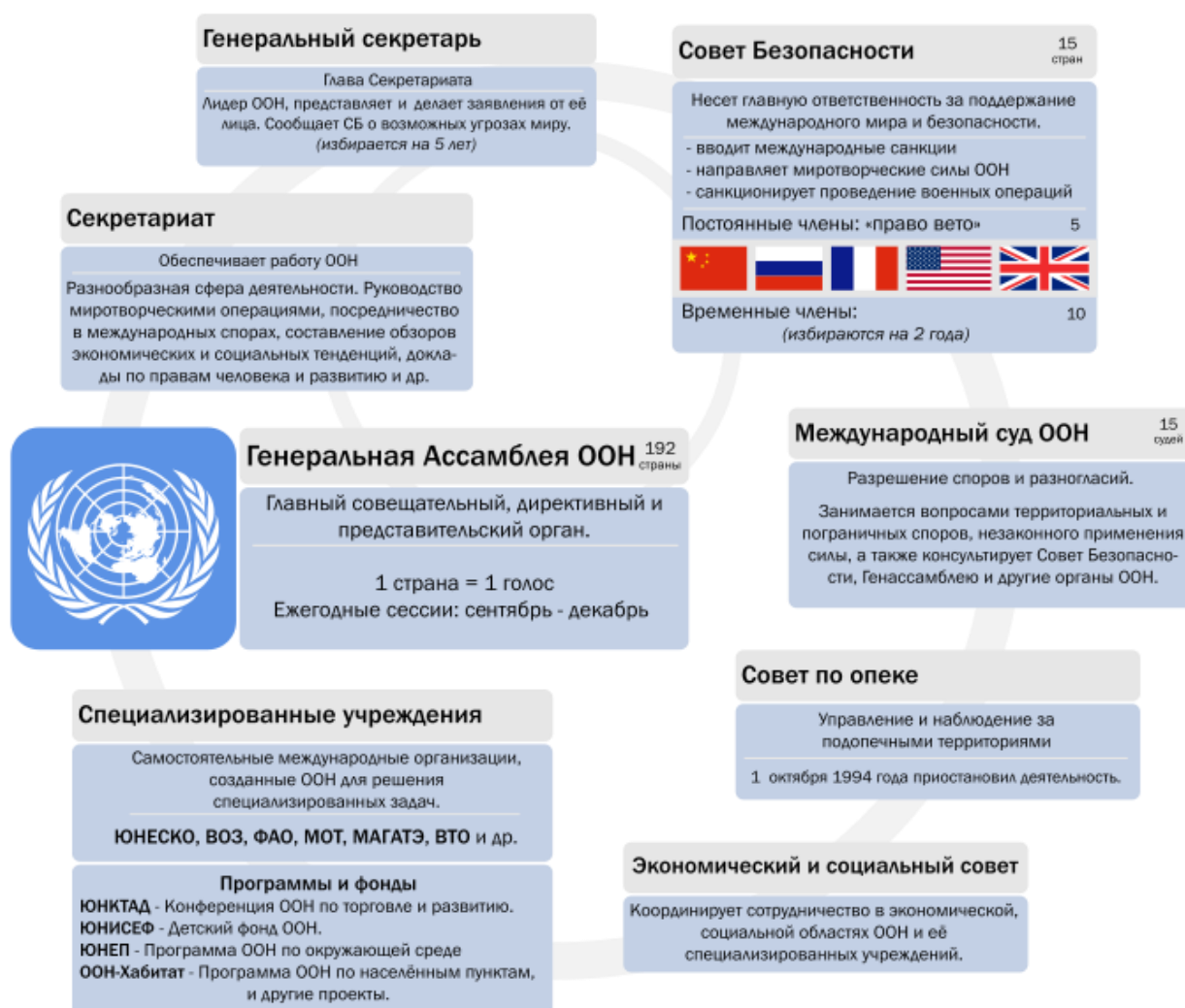

Рис. 5.1. Структура ООН

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:UN_System_russian.svg

6. СОВРЕМЕННАЯ (ПОСТБИПОЛЯРНАЯ) СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

6.1. Формирование новой политической карты мира

При подходе к анализу новой системы международных отношений, видимо, следовало бы исходить из того, что окончание холодной войны завершило в принципе процесс оформления единого мирового сообщества. Путь, пройденный человечеством от изолированности континентов, регионов, цивилизаций и народов через колониальное собирание мира, расширение географии торговли, катаклизмы двух мировых войн, массовый выход на мировую арену освободившихся от колониализма государств, мобилизацию противоположными лагерями ресурсов всех уголков мира в противостоянии холодной войны, повышение компактности планеты в результате научно-технической революции, завершился наконец крушением «железного занавеса» между Востоком и Западом и превращением мира в единый организм с определенным общим набором принципов и закономерностей развития его отдельных частей. Мировое сообщество все больше становится таковым в реальности. Поэтому в последнее время повышенное внимание уделяется проблемам взаимозависимости и глобализации мира, общему знаменателю национальных составляющих мировой политики. Видимо, анализ этих трансцендентных универсальных тенденций и может позволить более достоверно предсказать направление изменения мировой политики и международных отношений.

По мнению ряда ученых и политических деятелей, исчезновение идеологического возбудителя мировой политики в виде противоборства «коммунизм – антикоммунизм» позволяет вернуться к традиционной структуре отношений между национальными государствами, характерной для более ранних этапов Вестфальской системы. В этом случае распад биполярности предполагает образование многополярного мира, полюсами которого должны стать наиболее могущественные державы, сбросившие с себя ограничения корпоративной дисциплины в результате дезинтеграции двух блоков, миров или содружеств. Известный ученый и бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в одной из последних своих монографий «Дипломатия» предсказывает, что формирующиеся после холодной войны международные отношения все больше будут напоминать европейскую политику XIX в., когда традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и распад союзов, изменение сфер влияния. Действительный член Российской академии наук в бытность свою министром иностранных дел РФ Е. М. Примаков уделял значительное внимание феномену зарождения многополярности. Надо заметить, что сторонники доктрины многополярности оперируют прежними категориями, такими, как «великодержавность», «сферы влияния», «баланс сил» и т.д. Идея многополярности стала одной из центральных в программных партийных и государственных документах КНР, хотя акцент в них делается, скорее, не на попытке адекватного отражения сути нового этапа международных отношений, а на задаче противодействия реальному или мнимому гегемонизму, недопущения формирования однополярного мира во главе с Соединенными Штатами. В западной литературе, да и в некоторых заявлениях американских официальных лиц речь нередко идет о «единоличном лидерстве США», т.е. об однополярности.

Действительно, в начале 90-х гг., если рассматривать мир с точки зрения геополитики, карта мира претерпела серьезные изменения. Распад Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи положил конец зависимости государств Центральной и Восточной Европы от Москвы, превратил каждое из них в самостоятельного агента европейской и мировой политики. Распад Советского Союза в принципе изме-

нил геополитическую ситуацию в евразийском пространстве. В большей или меньшей степени и с разной скоростью государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, наполняют реальным содержанием свой суверенитет, формируют свои собственные комплексы национальных интересов, внешнеполитические курсы не только теоретически, но и, по существу, становятся самостоятельными субъектами международных отношений. Дробление постсоветского пространства на пятнадцать суверенных государств изменило геополитическую ситуацию и для соседних стран, ранее взаимодействовавших с единым Советским Союзом, например, Китая, Турции, стран Центральной и Восточной Европы, Скандинавии. Не только изменились локальные «балансы сил», но и резко возросла многовариантность отношений. Разумеется, Российская Федерация остается самым мощным государственным образованием на постсоветском, да и на евразийском пространстве. Но и ее новый, весьма ограниченный по сравнению с бывшим Советским Союзом потенциал (если такое сравнение вообще уместно), с точки зрения территории, населения, удельного веса экономики и геополитического соседства, диктует новую модель поведения в международных делах, если их рассматривать под углом зрения многополярного «баланса сил».

Геополитические изменения на Европейском континенте в результате объединения Германии, распада прежней Югославии, Чехословакии, очевидной прозападной ориентации большинства стран Восточной и Центральной Европы, включая государства Балтии, накладываются на определенное усиление европоцентризма и самостоятельности западноевропейских интеграционных структур, более рельефное проявление в ряде стран Европы настроений, не всегда совпадающих со стратегической линией США. Динамика экономического усиления Китая и повышение его внешнеполитической активности, поиск Японией более самостоятельного, подходящего ее экономической мощи места в мировой политике вызывают подвижки в геополитической ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе. Объективное возрастание удельного веса Соединенных Штатов в мировых делах после окончания холодной войны и распада Советского Союза в определенной степени нивелируется повышением самостоятельности других «полюсов» и определенным усилением изоляционистских настроений в американском обществе.

В новых условиях с окончанием противостояния двух «лагерей» холодной войны изменились координаты внешнеполитической деятельности и большой группы государств, входивших ранее в «третий мир». Потеряло свое прежнее содержание Движение неприсоединения, ускорилось расслоение Юга и дифференциация отношения образующихся в результате этого групп и отдельных государств к Северу, который также не монолитен.

Другим измерением многополярности можно считать регионализм. При всей разноплановости, неодинаковых темпах развития и степени интеграции региональные группировки вносят дополнительные особенности в изменение геополитической карты мира. Сторонники «цивилизационной» школы склонны рассматривать многополярность под углом зрения взаимодействия или столкновения культурно-цивилизационных блоков. По мнению самого модного представителя этой школы американского ученого С. Хантингтона, на смену идеологической bipolarности холодной войны грядет столкновение многополярности культурно-цивилизационных блоков: западного — иудео-христианского, исламского, конфуцианского, славянско-православного, индуистского, японского, латиноамериканского и, возможно, африканского. Действительно, региональные процессы развиваются на разных цивилизационных фонах. Но вероятность принципиального деления мирового сообщества именно по этому признаку на данный момент представляется весьма умозрительной и пока не подкрепляется сколько-нибудь конкретными институционными или политикообразу-

ющими реалиями. Даже противоборство исламского «фундаментализма» с западной цивилизацией со временем теряет свою остроту.

Более материализованным является экономический регионализм в виде высокоинтегрированного Европейского союза, других региональных образований различной степени интеграции – Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, Содружества Независимых Государств, АСЕАН, Североамериканской зоны свободной торговли, аналогичных образований, зарождающихся в Латинской Америке и в Южной Азии. Хотя и в несколько измененном виде, но сохраняют свое значение региональные политические институты, например, Организация латиноамериканских государств, Организация африканского единства и т.д. Они дополняются такими межрегиональными многофункциональными структурами, как североатлантическое партнерство, связка США – Япония, трехсторонняя структура Северная Америка – Западная Европа – Япония в виде «семерки», к которой постепенно подключается Российская Федерация.

Короче говоря, после окончания холодной войны геополитическая карта мира претерпела очевидные изменения. Но многополюсность объясняет скорее форму, чем суть новой системы международного взаимодействия. Означает ли многополюсность восстановление в полном объеме действия традиционных движущих сил мировой политики и мотиваций поведения ее субъектов на международной арене, характерных в большей или меньшей степени для всех этапов Вестфальской системы?

События последних лет пока не подтверждают такую логику многополюсного мира. Во-первых, Соединенные Штаты ведут себя значительно сдержаннее, чем они могли бы позволить себе по логике баланса сил при нынешней позиции в экономической, технологической и военной областях. Во-вторых, при определенной автономизации полюсов в западном мире не просматривается появление новых сколько-нибудь радикальных разделительных линий противоборства между Северной Америкой, Европой и АТР. При некотором возрастании уровня антиамериканской риторики в российской и китайской политических элитах более фундаментальные интересы обеих держав толкают их на дальнейшее развитие отношений с Соединенными Штатами. Расширение НАТО не усилило центристские тенденции в СНГ, чего следовало бы ожидать по законам многополюсного мира. Анализ взаимодействия постоянных членов Совета Безопасности ООН, «восьмерки» свидетельствует о том, что поле совпадения их интересов значительно шире области разногласий при всей внешней драматичности последних.

Исходя из этого, можно предположить, что на поведение мирового сообщества начинают оказывать влияние новые движущие силы, отличные от тех, что традиционно действовали в рамках Вестфальской системы. Для того чтобы проверить этот тезис, следовало бы рассмотреть новые факторы, которые начинают оказывать влияние на поведение мирового сообщества.

6.2. Демократизация современного мира

На рубеже 80-90-х гг. качественно изменилось мировое социально-политическое пространство. Отказ народов Советского Союза, большинства других стран бывшего «социалистического содружества» от однопартийной системы государственного устройства и центрального планирования экономики в пользу рыночной демократии означал прекращение в основном глобального противостояния антагонистических социально-политических систем и существенное повышение удельного веса открытых обществ в мировой политике. Уникальной в истории особенностью самоликвидации коммунизма является мирный характер этого процесса, не сопровождавшегося, как обычно бывало при столь радикальной смене социально-политического устройства,

сколько-нибудь серьезными военными или революционными катаклизмами. На значительной части евразийского пространства – в Центральной и Восточной Европе, а также на территории бывшего Советского Союза – в принципе сложился консенсус в пользу демократической формы социально-политического устройства. В случае успешного завершения процесса реформирования этих государств, в первую очередь России (ввиду ее потенциала), в открытые общества на большей части северного полушария – в Европе, Северной Америке, Евразии – сформируется сообщество народов, живущее по близким социально-политическим и экономическим принципам, исповедующее близкие ценности, в том числе и в подходах к процессам глобальной мировой политики.

Естественным следствием окончания в основном противостояния между «первым» и «вторым» мирами явилось ослабление, а затем и прекращение поддержки авторитарных режимов – клиентов двух лагерей, противоборствовавших в годы холодной войны в Африке, Латинской Америке, Азии. Поскольку одним из главных достоинств таких режимов для Востока и Запада была, соответственно, «антиимпериалистическая» или «антикоммунистическая» ориентация, с окончанием противостояния между главными антагонистами они потеряли свою ценность как идеологические союзники и в результате лишились материальной и политической поддержки. За падением отдельных режимов такого рода в Сомали, Либерии, Афганистане последовали дезинтеграция этих государств и гражданская война. Большинство же других стран, например, Эфиопия, Никарагуа, Заир, начали движение, правда, различными темпами, от авторитаризма. Это еще больше сократило мировое поле последнего.

На 80-е гг., особенно на их вторую половину, приходится напрямую не связанный с окончанием холодной войны широкомасштабный процесс демократизации на всех континентах. Бразилия, Аргентина, Чили перешли от военно-авторитарных к гражданским парламентским формам правления. Несколько позже эта тенденция распространилась на Центральную Америку. Показательным для результатов этого процесса является то, что 34 руководителя, участвовавшие во встрече в верхах стран Северной и Южной Америки в декабре 1994 г. (Куба не получила приглашения), были демократически избранными гражданскими лидерами своих государств. Аналогичные процессы демократизации, разумеется, с азиатской спецификой, наблюдались в это время в АТР – на Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Таиланде. В 1988 г. избранное правительство пришло на смену военному режиму в Пакистане. Крупным прорывом к демократии не только для Африканского континента явился отказ ЮАР от политики апартеида. В других странах Африки отход от авторитаризма шел более медленными темпами. Однако падение самых одиозных диктаторских режимов в Эфиопии, Уганде, Заире, определенное продвижение демократических реформ в Гане, Бенине, Кении, Зимбабве свидетельствуют о том, что волна демократизации не обошла и этот континент.

Необходимо отметить, что демократия имеет довольно разные степени зрелости. Это наглядно проявляется в эволюции демократических обществ со времен французской и американской революций до наших дней. Первичные формы демократии в виде регулярных многопартийных выборов, например, в ряде африканских стран или в некоторых новых независимых государствах на территории бывшего СССР в значительной степени отличаются от форм зрелых демократий, скажем, западноевропейского типа. Несовершенны и самые передовые демократии, если исходить из определения демократии, данного Линкольном: «правление народа, избранное народом и осуществляемое в интересах народа». Но очевидно и то, что между разновидностями демократий и авторитаризмом существует и демаркационная линия, определяющая качественное отличие внутренней и внешней политики обществ, находящихся по обе стороны от нее.

Глобальный процесс смены социально-политических моделей проходил в конце 80-х – начале 90-х гг. в разных странах с различных стартовых позиций, имел неордина-

ковую глубину, его результаты в ряде случаев неоднозначны, и не всегда есть гарантии против рецидивов авторитаризма. Но масштабность этого процесса, его одновременное развитие в ряде стран, тот факт, что впервые в истории поле демократии охватывает более половины человечества и территории земного шара, а главное, самые мощные в экономическом, научно-техническом и военном плане государства – все это позволяет сделать вывод о качественном изменении социально-политического поля мирового сообщества. Демократическая форма организации обществ не отменяет противоречия, а иногда и острые конфликтные ситуации между соответствующими государствами. Например, факт функционирования в настоящее время парламентских форм правления в Индии и Пакистане, в Греции и Турции не исключает опасной напряженности в их взаимоотношениях. Значительная дистанция, пройденная Россией от коммунизма к демократии, не отменяет разногласий с европейскими государствами и Соединенными Штатами, скажем, по вопросам расширения НАТО или применения военной силы против режимов Саддама Хусейна, Слободана Милошевича. Но фактом является то, что на протяжении всей истории демократические государства никогда не воевали друг с другом.

Многое, разумеется, зависит от определения понятий «демократия» и «война». Обычно демократическим считается государство, если исполнительная и законодательная власти формируются путем соревновательных выборов. Это означает, что в таких выборах участвуют, по крайней мере, две независимые друг от друга партии, предусматривается право голоса, по крайней мере, половины взрослого населения и имел место, по крайней мере, один мирный конституционный переход власти от одной партии к другой. В отличие от инцидентов, пограничных столкновений, кризисов, гражданских войн международными войнами считаются военные действия между государствами с боевыми потерями вооруженных сил свыше 1000 человек.

Исследования всех гипотетических исключений из этой закономерности за всю мировую историю от войны между Сиракузами и Афинами в V в. до н. э. вплоть до сегодняшнего времени только подтверждают тот факт, что демократии воюют с авторитарными режимами и нередко начинают такие конфликты, но никогда не доводили до войны противоречия с другими демократическими государствами. Надо признать, что есть определенные основания для скептицизма у тех, кто указывает на то, что за годы существования Вестфальской системы поле взаимодействия демократических государств было относительно узким и на их мирное взаимодействие влияло общее противостояние превосходящей или равной по силе группы авторитарных государств. Еще не совсем ясно, как поведут себя демократические государства в отношении друг друга при отсутствии или качественном сокращении масштаба угрозы со стороны авторитарных государств.

Если все же закономерность мирного взаимодействия демократических государств не будет нарушена в XXI в., то происходящее сейчас в мире расширение поля демократии будет означать и расширение глобальной зоны мира. В этом, видимо, состоит первое и главное качественное отличие новой формирующейся системы международных отношений от классической Вестфальской системы, в рамках которой преобладание авторитарных государств предопределяло периодичность войн как между ними, так и с участием демократических стран.

Качественное изменение соотношения между демократией и авторитаризмом в глобальном масштабе дало основание американскому исследователю Ф. Фукуяме провозгласить окончательную победу демократии и в этом смысле объявить о «завершении истории» как борьбы между историческими формациями. Однако, как представляется, масштабное продвижение демократии на рубеже веков еще не означает ее полную победу. Коммунизм как социально-политическая система, хотя и с определенными из-

менениями, сохранился в Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Лаосе, на Кубе. Его наследие ощущается в ряде стран бывшего Советского Союза, в Сербии.

За исключением, пожалуй, Северной Кореи во всех других социалистических странах вводятся элементы рыночной экономики, они так или иначе втягиваются в мировую экономическую систему. Практика отношений некоторых сохранившихся коммунистических государств с другими странами регулируется скорее принципами «мирного сосуществования», чем «классовой борьбы». Идеологический заряд коммунизма ориентирован больше на внутреннее потребление, во внешней политике все чаще берет верх прагматизм. Частичное экономическое реформирование и открытость международным экономическим связям порождают социальные силы, требующие соответствующего расширения политических свобод. Но доминирующая однопартийная система работает в противоположном направлении. В результате наблюдается эффект «качелей», движущихся от либерализма к авторитаризму и обратно. В Китае, например, это было движение от прагматических реформ Дэн Сяопина к силовому подавлению студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь, затем от новой волны либерализации к закручиванию гаек, и снова к прагматизму.

Опыт XX в. показывает, что коммунистическая система неизбежно воспроизводит такую внешнюю политику, которая вступает в противоречие с политикой, генерируемой демократическими обществами. Разумеется, факт радикального отличия социально-политических систем не обязательно обуславливает неизбежность военного конфликта. Но равно обосновано и предположение о том, что наличие этого противоречия не исключает такого конфликта и не позволяет надеяться на достижение уровня отношений, которые возможны между демократическими государствами.

В авторитарной сфере еще остается значительное число государств, социально-политическая модель которых определяется либо инерцией личных диктатур, как, например, в Ираке, Ливии, Сирии, или аномалией процветания средневековых форм восточного правления в сочетании с технологическим прогрессом в Саудовской Аравии, государствах Персидского залива, некоторых странах Магриба. При этом первая группа находится в состоянии непримиримой конфронтации с демократией, а вторая готова сотрудничать с ней до той поры, пока та не стремится поколебать установившийся в этих странах социально-политический статус-кво. Авторитарные структуры, хотя и в измененной форме, закрепились в ряде постсоветских государств, например, в Туркмении.

Особое место среди авторитарных режимов занимают страны «исламской государственности» экстремистского толка – Иран, Судан, Афганистан. Уникальный потенциал воздействия на мировую политику придает им международное движение исламского политического экстремизма, известного под не совсем корректным названием «исламский фундаментализм». Это революционно-идеологическое течение, отвергающее западную демократию как образ жизни общества, допускающее террор и насилие в качестве средства реализации доктрины «исламской государственности», получило в последние годы широкое распространение среди населения в большинстве стран Ближнего Востока и других государствах с высоким процентом мусульманского населения.

В отличие от сохранившихся коммунистических режимов, которые (за исключением Северной Кореи) ищут пути сближения с демократическими государствами, по крайней мере, в экономической области, и идеологический заряд которых затухает, исламский политический экстремизм является динамичным, массовым и реально угрожает стабильности режимов Саудовской Аравии, стран Персидского залива, некоторых государств Магриба, Пакистана, Турции, Центральной Азии. Разумеется, при оценках масштабов вызова исламского политического экстремизма мировому сообществу

следует соблюдать чувство меры, учитывать противодействие ему в мусульманском мире, например, со стороны светских и военных структур в Алжире, Египте, зависимость стран новой исламской государственности от мировой экономики, а также признаки определенной эрозии экстремизма в Иране.

Сохранение и возможность увеличения числа авторитарных режимов не исключают вероятности военных столкновений как между ними, так и с демократическим миром. По всей видимости, именно в секторе авторитарных режимов и в полосе соприкосновения последних с миром демократии могут развиваться в будущем наиболее опасные, чреватые военными конфликтами процессы. Небесконфликтной остается и «серая» зона государств, отошедших от авторитаризма, но еще не завершивших демократических преобразований. Однако общая тенденция, рельефно проявившаяся в последнее время, все же свидетельствует о качественном изменении глобального социально-политического поля в пользу демократии, а также о том, что авторитаризм ведет арьергардные исторические бои. Разумеется, исследование дальнейших путей развития международных отношений должно включать более тщательный анализ закономерностей отношений между странами, достигшими разных стадий демократической зрелости, влияния демократического преобладания в мире на поведение авторитарных режимов и т.д.

6.3. Современный глобальный мир

Соразмерны социально-политическим изменения и в мировой экономической системе. Принципиальный отказ большинства бывших социалистических стран от централизованного планирования экономики означал включение в 90-х гг. в глобальную систему рыночной экономики масштабного потенциала и рынков этих стран. Речь, правда, шла о прекращении противоборства не двух примерно равных блоков, как это было в военно-политической области. Экономические структуры социализма никогда не представляли сколько-нибудь серьезной конкуренции западной экономической системе. В конце 80-х гг. доля стран-членов СЭВ в валовом мировом продукте составляла порядка 9 %, а промышленно развитых капиталистических стран – 57 %. Большая часть экономики «третьего мира» ориентировалась на рыночную систему. Поэтому процесс включения бывших социалистических экономик в мировое хозяйство имел скорее перспективное значение и символизировал завершение формирования или восстановление на новом уровне единой глобальной экономической системы. Качественные же ее изменения накапливались в рыночной системе еще до окончания холодной войны.

В 80-е гг. в мире наметился широкий прорыв в сторону либерализации мировой экономики – сокращения государственной опеки над экономикой, предоставления больших свобод частному предпринимательству внутри стран и отказа от протекционизма в отношениях с зарубежными партнерами, что, правда, не исключало помощи со стороны государства при выходе на мировые рынки. Именно эти факторы, в первую очередь, обеспечили экономике ряда стран, например, Сингапура, Гонконга, Тайваня, Южной Кореи, беспрецедентно высокие темпы роста. Кризис, поразивший в последнее время ряд стран Юго-Восточной Азии, по мнению многих экономистов, явился следствием «перегрева» экономик в результате их быстрого взлета при сохранении архаичных политических структур, деформирующих экономическую либерализацию. Экономические реформы в Турции способствовали стремительной модернизации этой страны. В начале 90-х гг. процесс либерализации распространяется на страны Латинской Америки – Аргентину, Бразилию, Чили, Мексику. Отказ от жесткого государственного планирования, сокращение бюджетного дефицита, приватизация крупных банков и госпредприятий, снижение таможенных тарифов позволили им резко повысить темпы

экономического роста и выйти по этому показателю на второе место после стран Восточной Азии. В это же время аналогичные реформы, хотя и гораздо менее радикального характера, начинают пробивать себе дорогу в Индии. В 90-е гг. пожинаются осязаемые плоды открытия экономики Китая внешнему миру.

Логическим следствием этих процессов стала существенная активизация международного взаимодействия национальных экономик. Темпы роста международной торговли превосходят мировые темпы внутриэкономического роста. Сегодня более 15 % мирового валового продукта реализуется на зарубежных рынках. Вовлеченность в международную торговлю превратилась в серьезный и универсальный фактор роста благосостояния мирового сообщества. Завершение в 1994 г. Уругвайского раунда ГАТТ, предусматривающего дальнейшее существенное снижение тарифов и распространение либерализации торговли на потоки услуг, преобразование ГАТТ во Всемирную торговую организацию знаменовали выход международной торговли на качественно новый рубеж, повышение взаимозависимости мировой хозяйственной системы.

В последнее десятилетие в этом же направлении развивался значительно усилившийся процесс интернационализации финансового капитала. Особенно ярко это проявилось в интенсификации потоков международных инвестиций, которые с 1995 г. растут быстрее, чем торговля и производство. Это стало результатом существенного изменения инвестиционного климата в мире. Демократизация, политическая стабилизация и экономическая либерализация во многих регионах сделали их более привлекательными для зарубежных инвесторов. С другой стороны, произошел психологический перелом во многих развивающихся странах, которые осознали, что привлечение иностранного капитала является трамплином для развития, облегчает выход на международные рынки и доступ к новейшим технологиям. Это, разумеется, требовало частичного отказа от абсолютного экономического суверенитета и означало повышение конкуренции для ряда отечественных отраслей. Но примеры «азиатских тигров» и Китая побудили большинство развивающихся стран и государств с переходной экономикой включиться в соревнование за привлечение инвестиций. В середине 90-х гг. объем иностранных инвестиций превысил 2 трлн долл. и продолжает быстро расти. Организационно эту тенденцию закрепляет заметное повышение активности международных банков, инвестиционных фондов и бирж ценных бумаг. Еще одной гранью такого процесса является существенное расширение поля деятельности транснациональных корпораций, которые сегодня контролируют около трети активов всех частных компаний мира, а объем реализации их продукции приближается к валовому продукту экономики США.

Несомненно, продвижение интересов отечественных компаний на мировом рынке по-прежнему остается одной из главных задач любого государства. При всей либерализации международных экономических связей межнациональные противоречия, как показывают часто жесткие споры США и Японии по вопросам торгового дисбаланса или с Европейским союзом из-за субсидирования им сельского хозяйства, сохраняются. Но очевидно, что при нынешней степени взаимозависимости мирового хозяйства почти ни одно государство не может противопоставлять свои эгоистические интересы мировому сообществу, поскольку рискует оказаться в роли мирового изгоя или подрвать существующую систему с равно плачевными результатами не только для конкурентов, но и для собственной экономики.

Процесс интернационализации и усиления взаимозависимости мировой экономической системы идет в двух плоскостях – в глобальной и в плоскости региональной интеграции. Теоретически региональная интеграция может подхлестнуть межрегиональное соперничество. Но сегодня эта опасность ограничивается некоторыми новыми свойствами мировой экономической системы. Прежде всего, открытостью новых региональных образований – они не возводят по своей периферии дополнительных тариф-

ных барьеров, а снимают их в отношениях между участниками быстрее, чем тарифы снижаются в глобальном плане в рамках ВТО. Это является стимулом для дальнейшего, более радикального уменьшения барьеров в мировом масштабе, в том числе и между региональными экономическими структурами. Кроме того, некоторые страны являются участниками нескольких региональных группировок. Например, США, Канада, Мексика полноправно участвуют как в АТЭС, так и в НАФТА. А подавляющее большинство транснациональных корпораций одновременно функционирует в орбитах всех существующих региональных организаций.

Новые качества мировой экономической системы – стремительное расширение зоны рыночного хозяйства, либерализация национальных экономик и их взаимодействие через посредство торговли и международных инвестиций, космополитизация все большего числа субъектов мировой экономики – ТНК, банков, инвестиционных групп – оказывают серьезное влияние на мировую политику, международные отношения. Мировая экономика становится настолько взаимосвязанной и взаимозависимой, что интересы всех ее активных участников требуют сохранения стабильности не только в экономическом, но и военно-политическом плане. Некоторые ученые, ссылающиеся на то, что высокая степень взаимодействия в европейской экономике начала XX в. не предотвратила развязывание Первой мировой войны, игнорируют качественно новый уровень взаимозависимости сегодняшней мировой экономики и космополитизации ее значительного сегмента, радикальное изменение соотношения экономического и военного факторов в мировой политике. Но наиболее существенным, в том числе и для формирования новой системы международных отношений, является тот факт, что процесс создания нового мирового экономического сообщества взаимодействует с демократическими преобразованиями социально-политического поля. Кроме того, в последнее время глобализация мировой экономики все больше играет роль стабилизатора мировой политики и сферы безопасности. Особенно это влияние заметно в поведении ряда авторитарных государств и обществ, движущихся от авторитаризма к демократии. Массштабная и увеличивающаяся зависимость экономики, например, Китая, ряда новых независимых государств от мировых рынков, инвестиций, технологий заставляет их корректировать свои позиции по политическим и военным проблемам международной жизни.

Естественно, мировой экономический горизонт не безоблачен. Основной проблемой остается разрыв между индустриально развитыми государствами и значительным числом развивающихся или экономически стагнирующих стран. Процессы глобализации охватывают, в первую очередь, сообщество развитых стран. В последние годы усилилась тенденция прогрессирующего расширения такого разрыва. По мнению многих экономистов, значительное число стран Африки и ряд других государств, например Бангладеш, отстали «навсегда». Для большой группы развивающихся экономик, в частности Латинской Америки, их попытки приблизиться к мировым лидерам сводятся на нет огромным внешним долгом и необходимостью его обслуживания. Особый случай представляют экономики, совершающие переход от системы централизованного планирования к рыночной модели. Их выход на мировые рынки товаров, услуг, капиталов особенно болезнен.

Существуют две противоположные гипотезы относительно влияния этого разрыва, условно обозначаемого как разрыв между новыми Севером и Югом, на мировую политику. Многие международники видят в этом долгосрочном феномене основной источник будущих конфликтов и даже попыток Юга насильственно переделить экономическое благосостояние мира. Действительно, нынешнее серьезное отставание от ведущих держав по таким показателям, как удельный вес ВВП в мировом хозяйстве или доход на душу населения, потребует, скажем, от России (на которую приходится около

1,5 % мирового валового продукта), Индии, Украины, нескольких десятилетий развития темпами, в несколько раз превышающими среднемировые, для того чтобы приблизиться к уровню США, Японии, Германии и не отстать от Китая. При этом надо иметь в виду, что сегодняшние страны-лидеры не будут стоять на месте. Точно также трудно предположить, что в обозримом будущем какая-либо новая региональная экономическая группировка – СНГ или, скажем, зарождающаяся в Южной Америке – сможет приблизиться к ЕС, АТЭС, НАФТА, на долю каждой из которых приходится свыше 20 % валового мирового продукта, мировой торговли и финансов.

Согласно другой точке зрения, интернационализация мировой экономики, ослабление заряда экономического национализма, тот факт, что хозяйственное взаимодействие государств перестает быть игрой с нулевым результатом, позволяют надеяться на то, что экономический разрыв между Севером и Югом не превратится в новый источник глобальной конфронтации, особенно в ситуации, когда, хотя и отставая по абсолютным показателям от Севера, Юг все же будет развиваться, повышая свое благосостояние. Здесь, вероятно, уместна аналогия с модус вивенди между крупными и средними компаниями в рамках национальных экономик: средние по масштабам компании не обязательно антагонистически сталкиваются с корпорациями-лидерами и стремятся ликвидировать разрыв между ними любыми средствами. Многое зависит от организационно-правовой среды, в которой функционирует бизнес, в данном случае мировой.

Сочетание либерализации и глобализации мировой экономики наряду с очевидными выгодами несет в себе и скрытые угрозы. Цель конкуренции корпораций и финансовых институтов – прибыль, а не сохранение стабильности рыночной экономики. Либерализация уменьшает ограничения на конкуренцию, а глобализация расширяет ее поле. Как показал последний финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, России, затронувший рынки всего мира, новое состояние мирового хозяйства означает глобализацию не только позитивных, но и негативных тенденций. Понимание этого заставляет мировые финансовые институты спасать экономические системы Южной Кореи, Сянгана, Бразилии, Индонезии, России. Но эти разовые операции лишь подчеркивают сохраняющееся противоречие между выгодами либерального глобализма и ценой поддержания устойчивости мирового хозяйства. По всей видимости, глобализация рисков потребует глобализации их менеджмента, совершенствования таких структур, как ВТО, МВФ и группа семи ведущих индустриальных держав. Очевидно и то, что растущий космополитический сектор глобальной экономики меньше подотчетен мировому сообществу, чем национальные экономики государствам.

Как бы то ни было, новый этап мировой политики определенно выдвигает ее экономический компонент на передний план. Так, можно предположить, что объединению большой Европы в конечном счете препятствуют, скорее, не столкновения интересов в военно-политической области, а серьезный экономический разрыв между ЕС, с одной стороны, и посткоммунистическими странами – с другой. Подобно этому главная логика развития международных отношений, например, в Азиатско-тихоокеанском регионе диктуется не столько соображениями военной безопасности, сколько экономическими вызовами и возможностями. На протяжении последних лет такие международные экономические институты, как «семерка», ВТО, МВФ и Всемирный банк, руководящие органы ЕС, АТЭС, НАФТА, явно сравниваются по влиянию на мировую политику с Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей ООН, региональными политическими организациями, военными союзами, а нередко и превосходят их. Таким образом, экономизация мировой политики и формирование нового качества мировой экономики становятся другим основным параметром формирующейся сегодня системы международных отношений.

6.4. Военный фактор в современных международных отношениях

Каким бы парадоксальным ни представлялось, на первый взгляд, предположение о развитии тенденции к демилитаризации мирового сообщества в свете последнего драматического конфликта на Балканах, напряженности в районе Персидского залива, неустойчивости режимов нераспространения оружия массового уничтожения, оно все же имеет основание для серьезного рассмотрения в долгосрочном плане.

Окончание холодной войны совпало с кардинальным изменением места и роли фактора военной безопасности в мировой политике. В конце 80-90-х гг. наблюдается масштабное сокращение глобального потенциала военной конфронтации холодной войны. Со второй половины 80-х гг. устойчиво снижаются мировые расходы на оборону. В рамках международных договоров и в порядке односторонних инициатив осуществляется беспрецедентное в истории сокращение ракетно-ядерных, обычных вооружений и личного состава вооруженных сил. Снижению уровня военной конфронтации способствовали значительная передислокация вооруженных сил на национальные территории, развитие мер доверия и позитивного взаимодействия в военной области. Идет процесс конверсии большей части мирового военно-промышленного комплекса. Параллельная активизация ограниченных конфликтов на периферии центральной военной конфронтации времен холодной войны при всей их драматичности и «неожиданности» на фоне мирной эйфории, характерной для конца 80-х гг., по масштабам и последствиям не может сравниться с ведущей тенденцией демилитаризации мировой политики.

Развитие этой тенденции имеет несколько фундаментальных причин. Преобладающая демократическая монотипность мирового сообщества, а также интернационализация мировой экономики сокращают питательную политико-экономическую среду глобального института войны. Не менее важным фактором является неопровержимо доказанное всем ходом холодной войны революционное значение характера ядерного оружия.

Создание ядерного оружия означало в широком плане исчезновение возможности победы для какой-либо из сторон, что на протяжении всей предыдущей истории человечества являлось неременным условием ведения войн. Еще в 1946 г. американский ученый Б. Броуди обратил внимание на эту качественную характеристику ядерного оружия и высказал твердое убеждение, что в будущем единственной его задачей и функцией будет сдерживание войны. Некоторое время спустя эту аксиому подтвердил А.Д. Сахаров. На протяжении всей холодной войны и США, и СССР пытались найти пути обхода этой революционной реальности. Обе стороны предпринимали активные попытки выйти из ядерного пата посредством наращивания и совершенствования ракетно-ядерных потенциалов, разработки изощренных стратегий его применения, наконец, подходов к созданию противоракетных систем. Пятьдесят лет спустя, создав около 25 тыс. только стратегических ядерных боезарядов, ядерные державы пришли к неизбежному выводу: применение ядерного оружия означает не только уничтожение противника, но и гарантированное самоубийство. Более того, перспектива ядерной эскалации резко ограничила возможность применения противостоящими сторонами обычных вооружений. Ядерное оружие сделало холодную войну разновидностью «вынужденного мира» между ядерными державами.

Опыт ядерной конфронтации в годы холодной войны, радикальные сокращения ракетно-ядерных арсеналов США и РФ в соответствии с договорами СНВ-1, СНВ-2, отказ от ядерного оружия Казахстана, Беларуси и Украины, принципиальная договоренность РФ и США о дальнейших более глубоких сокращениях ядерных зарядов и средств их доставки, сдержанность Великобритании, Франции и Китая в развитии своих национальных ядерных потенциалов позволяют сделать вывод о признании веду-

щими державами в принципе бесперспективности ядерного оружия как средства достижения победы или эффективного средства влияния на мировую политику. Хотя сегодня трудно представить такую ситуацию, когда одна из держав может применить ядерное оружие, вероятность использования его в качестве самой крайней меры или в результате ошибки все же остается. Кроме того, сохранение ядерного и другого оружия массового уничтожения даже в процессе радикальных сокращений повышает «негативную значимость» обладающего им государства. Например, опасения (независимо от их обоснованности) относительно сохранности ядерных материалов на территории бывшего Советского Союза дополнительно повышают внимание мирового сообщества к его правопреемникам, в том числе и к Российской Федерации.

На пути всеобщего ядерного разоружения стоит несколько фундаментальных препятствий. Полный отказ от ядерного оружия означает и исчезновение его основной функции – сдерживания войны, в том числе и обычной. Кроме того, ряд держав, например Россия или Китай, могут рассматривать наличие ядерного оружия в качестве временной компенсации относительной слабости их потенциалов обычных вооружений, а вместе с Великобританией и Францией – и как политический символ великодержавности. Наконец, тот факт, что даже минимальные потенциалы ядерного оружия могут служить эффективным средством сдерживания войны, усвоили и другие страны, особенно находящиеся в состоянии локальных холодных войн с соседями, например Израиль, Индия, Пакистан.

Проведение испытаний ядерного оружия Индией и Пакистаном весной 1998 г. закрепляет патовую ситуацию в конфронтации между этими странами. Можно предположить, что легализация ядерного статуса давнишними соперниками заставит их более энергично искать пути принципиального урегулирования застарелого конфликта. С другой стороны, не совсем адекватная реакция мирового сообщества на такой удар по режиму нераспространения может породить соблазн и других «пороговых» государств последовать примеру Дели и Исламабада. А это приведет к эффекту «домино», в результате чего вероятность несанкционированного или иррационального срабатывания ядерного оружия может перевесить его сдерживающие возможности.

Некоторые диктаторские режимы, учитывая результаты войн за Фолкленды, в Персидском заливе, на Балканах, не только осознали бесперспективность конфронтации с ведущими державами, обладающими качественным превосходством в сфере обычных вооружений, но и пришли к пониманию того, что гарантией против повторения аналогичных поражений может стать обладание оружием массового уничтожения. Таким образом, в ядерной сфере на передний план реально выходят две среднесрочные задачи - укрепление системы нераспространения ядерного и другого оружия массового уничтожения и одновременно определение функциональных параметров и минимально достаточных размеров ядерных потенциалов обладающих ими держав.

Задачи в области сохранения и укрепления режимов нераспространения сегодня оттесняют в плане приоритетности классическую проблему сокращения стратегических вооружений РФ и США. Долгосрочной же задачей остается продолжение выяснения целесообразности и поиска путей продвижения к безъядерному миру в условиях новой мировой политики.

Диалектическим звеном, связывающим режимы нераспространения оружия массового уничтожения и ракетных средств их доставки, с одной стороны, с контролем над стратегическими вооружениями «традиционных» ядерных держав – с другой, становится проблема противоракетной обороны и судьба Договора по ПРО. Перспектива создания ядерного, химического и бактериологического оружия, а также ракет средней дальности, а в недалеком будущем и межконтинентальных ракет рядом государств выдвигает в центр стратегического мышления проблему защиты от такой опасности.

США уже обозначили предпочтительное для себя решение – создание «тонкой» противоракетной обороны страны, а также региональных противоракетных комплексов театров военных действий, в частности, в АТР – против северокорейских ракет, и на Ближнем Востоке – против ракет Ирана. Такие противоракетные потенциалы, развернутые в одностороннем порядке, девальвировали бы ракетно-ядерные потенциалы сдерживания РФ и Китая, что могло бы привести к стремлению последних компенсировать изменение стратегического баланса наращиванием собственных ракетно-ядерных вооружений с неизбежной дестабилизацией глобальной стратегической ситуации.

Другой актуальной проблемой является феномен локальных конфликтов. Окончание холодной войны сопровождалось заметной активизацией локальных конфликтов. Большинство из них были, скорее, внутригосударственными, чем международными, в том плане, что вызвавшие их противоречия были связаны с сепаратизмом, борьбой за власть или территорию в рамках одного государства. Большая часть конфликтов стала результатом распада Советского Союза, Югославии, обострения национально-этнических противоречий, проявление которых ранее сдерживалось авторитарными системами или блоковой дисциплиной холодной войны. Другие конфликты, например в Африке, стали следствием ослабления государственности и экономической разрухи. Третья категория – это длительные «традиционные» конфликты на Ближнем Востоке, в Шри-Ланке, Афганистане, вокруг Кашмира, которые пережили завершение холодной войны или вспыхнули вновь, как это случилось в Камбодже.

При всем драматизме локальных конфликтов на рубеже 80-90-х гг. с течением времени острота большей их части несколько спала, как, например, в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Приднестровье, Чечне, Абхазии, Боснии и Герцеговине, Албании, наконец, в Таджикистане. Частично это объясняется постепенным осознанием конфликтующими сторонами высокой цены и бесперспективности военного решения проблем, а во многих случаях эта тенденция подкреплялась принуждением к миру (так было в Боснии и Герцеговине, Приднестровье), другими миротворческими усилиями с участием международных организаций – ООН, ОБСЕ, СНГ. Правда, в нескольких случаях, например, в Сомали, Афганистане, такие усилия не дали должных результатов. Эта тенденция подкрепляется серьезными подвижками в сторону мирного урегулирования между израильтянами и палестинцами, а также между Преторией и «прифронтовыми государствами». Соответствующие конфликты служили питательной средой нестабильности на Ближнем Востоке и юге Африки.

Изменяется в целом и глобальная картина локальных вооруженных конфликтов. В 1989 г. имело место 36 крупных конфликтов в 32 районах, а в 1995 г. было зарегистрировано 30 таких конфликтов в 25 районах. Некоторые из них, например взаимное истребление народностей тутси и хуту в Восточной Африке, приобретают характер геноцида. Реальной оценке масштабов и динамики «новых» конфликтов мешает их эмоциональное восприятие. Они вспыхнули в тех регионах, которые считались (без достаточных на то оснований) традиционно стабильными. Кроме того, они возникли в тот момент, когда мировая общественность уверовала в бесконфликтность мировой политики после завершения холодной войны. Беспристрастное же сравнение «новых» конфликтов со «старыми», бушевавшими в годы холодной войны в Азии, Африке, Центральной Америке, на Ближнем и Среднем Востоке, несмотря даже на масштабность последнего конфликта на Балканах, позволяет сделать более взвешенный вывод относительно долгосрочной тенденции.

Более актуальными сегодня становятся вооруженные операции, которые принимаются под руководством ведущих западных стран, в первую очередь, США, против стран, которые, как считается, нарушают международное право, демократические или гуманитарные нормы. Наиболее наглядными примерами являются операции

против Ирака с целью пресечения агрессии против Кувейта, принуждение к миру на заключительном этапе внутреннего конфликта в Боснии, восстановление законности на Гаити и в Сомали. Эти операции проводились с санкции Совета безопасности ООН. Особое место занимает крупномасштабная военная операция, предпринятая НАТО в одностороннем порядке без согласования с ООН, против Югославии в связи с ситуацией, в которой оказалось албанское население в Косово. Значимость последней заключается в том, что она ставит под вопрос принципы глобального политико-правового режима, как он был зафиксирован в Уставе ООН.

Глобальное сокращение военных arsenалов более рельефно обозначило качественный разрыв в вооружениях между ведущими военными державами и остальным миром. Фолклендский конфликт на завершающем этапе холодной войны, а затем война в Персидском заливе и операции в Боснии и Сербии наглядно продемонстрировали этот разрыв. Прогресс в миниатюризации и повышении способности поражения обычных боезарядов, совершенствование систем наведения, контроля, управления и разведки, средств ведения электронной борьбы, повышение мобильности обоснованно считаются решающими факторами современной войны. Выражаясь категориями холодной войны, баланс военных сил между Севером и Югом еще больше изменился в пользу первого.

Несомненно на этом фоне возрастание материальных возможностей США влиять на развитие ситуации в сфере военной безопасности большинства регионов мира. Абстрагируясь от ядерного фактора, можно сказать: финансовые возможности, высокое качество вооружений, способность быстрой переброски крупных контингентов войск и arsenалов вооружений на большие расстояния, мощное присутствие в Мировом океане, сохранение основной инфраструктуры баз и военных союзов – все это превратило США по имеющимся возможностям в единственную глобальную державу в военном плане. Дробление военного потенциала СССР при его распаде, глубокий и длительный экономический кризис, болезненно затронувший армию и военно-промышленный комплекс, медленные темпы реформирования оружейных сил, фактическое отсутствие надежных союзников ограничили военные возможности Российской Федерации евразийским пространством. Систематическая, рассчитанная на длительный срок модернизация вооруженных сил Китая дает основание предположить в перспективе серьезное повышение его способности проецировать военную мощь в Азиатско-тихоокеанском регионе. Несмотря на попытки некоторых западноевропейских стран играть более активную военную роль за пределами зоны ответственности НАТО, как это было в ходе войны в Персидском заливе или при проведении миротворческих операций в Африке, на Балканах, и как это провозглашено на будущее в новой стратегической доктрине НАТО, параметры военного потенциала собственно Западной Европы без американского участия в основном остаются региональными. Все остальные страны мира по разным причинам могут рассчитывать лишь на то, что военный потенциал каждой из них будет одним из региональных факторов.

Новая ситуация в области глобальной военной безопасности в целом определяется тенденцией к ограничению использования войны в классическом понимании. Но одновременно возникают новые формы применения силы, например «операция по гуманитарным причинам». В сочетании с изменениями в социально-политической и экономической областях такие процессы в военной сфере оказывают серьезное влияние на формирование новой системы международных отношений.

7. ИТОГОВЫЙ ТЕСТ

Вопрос 1. _____ в Уэльском университете в Эйберсвите (Великобритания) была открыта кафедра истории и теории международных отношений.

1. В 1569 г.;
2. В 1999 г.;
3. В 1900 г.;
4. В 1919 г..

Вопрос 2. По объективным причинам, начиная с 1930-х гг. лидерство в международной науке стала(-ли) удерживать _____.

1. Великобритания.
2. США.
3. Германия.
4. Испания.

Вопрос 3. _____ – это особого рода общественные отношения, выходящие за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных образований.

1. Мировая политика.
2. Международная политика.
3. Внешняя политика.
4. Международные отношения.

Вопрос 4. Парадигмой ТМО **не** является _____.

1. марксизм;
2. политический реализм;
3. либерализм;
4. фашизм.

Вопрос 5. В политической практике идеализм нашел своё воплощение в разработанной после Первой мировой войны американским президентом _____ программе создания Лиги Наций.

1. Р. Рейганом.
2. Дж. Бушем.
3. В. Вильсоном.
4. Б. Клинтон.

Вопрос 6. Основоположником политического реализма был _____.

1. Г. Моргентау.
2. З. Бжезинский.
3. И. Валлерстайн.
4. К. Маркс.

Вопрос 7. В структуру мир-системы, разработанную И. Валлерстайном, **не** входила(-ло) _____.

1. «периферия»;
2. «полупериферия»;
3. «ядро»;
4. «частичная периферия».

Вопрос 8. Р. Кокс, Дж. Дер-Дериан, Р.Б.Дж. Уокер – это представители _____ направления в ТМО.

1. феминистского;
2. неомарксистского;
3. постмодернистского;
4. фрейдомарксистского.

Вопрос 9. По мнению реалистов, основным участником международных отношений является (-ются) _____.

1. государства;
2. ООН;
3. НАТО;
4. международные организации.

Вопрос 10. Британский геополитик Х. Макиндер утверждал: «Кто правит Восточной Европой – господствует над _____; кто правит _____ – господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом – господствует над миром».

1. римлендом;
2. харлендом;
3. маргинальным полумесяцем;
4. жизненным пространством.

Вопрос 11. Первая система международных отношений называлась _____

1. Вестфальская;
2. Венская;
3. Ялтинско-Потсдамская;
4. Постбиполярная.

Вопрос 12. Карибский кризис произошёл в _____.

1. 1962 г.;
2. 1972 г.;
3. 1890 г.;
4. 1900 г.

Вопрос 13. После окончания Второй мировой войны в мире сложилась _____ система международных отношений.

1. Ялтинско-Потсдамская;
2. Многополярная;
3. Версальско-Вашингтонская;
4. Вестфальская.

Вопрос 14. ООН возникла в _____.

1. 1945 г.;
2. 1946 г.;
3. 1990 г.;
4. 1950 г.

Вопрос 15. Первыми обладателем(-ями) ядерного оружия являлся(-лись) _____

1. СССР;
2. Китай;

3. США;
4. Бангладеш.

Вопрос 16. Для современной международной системы характерна _____.

1. демократизация мира;
2. равноправие;
3. «гонка вооружений»;
4. биполярность.

Вопрос 17. Венский конгресс проходил в _____.

1. 1814-1815 гг.;
2. 1568-1569 гг.;
3. 1780-1781 гг.;
4. 1890-1891 гг.

Вопрос 18. «Холодная война» представляла собой противостояние _____.

1. СССР и США;
2. СССР и Польши;
3. СССР и Китая;
4. США и Канады.

Вопрос 19. Автором идеи «завершения истории» является _____.

1. Ф. Фукуяма;
2. П. Бьюкенен;
3. З. Бжезинский;
4. Д. Сакс.

Вопрос 20. Вестфальская система международных отношений возникла в _____.

1. XX в.;
2. XIX в.;
3. XIV в.;
4. XVII в.

8. ТРЕБОВАНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ И ТЕМАТИКА КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЫ

Контрольная работа по дисциплине «История международных отношений и политики» представляет собой форму самостоятельной работы учащихся. Контрольная работа выполняется в печатном варианте объёмом 10-15 страниц. Шрифт – Times New Roman; кегель – 14; интервал – полуторный. Оформление контрольной работы должно соответствовать требованиям РД ФГБОУ ВПО «КНАГТУ» 013-2012 «Текстовые студенческие работы. Правила оформления».

Тема контрольных работ выбирается студентом в соответствии с последней цифрой номера зачётной книжки (студенческого билета). Например: если последняя цифра номера зачётной книжки (студенческого билета) «8», то из ниже представленного списка выбирается тема под номером «8» или «18» (на выбор).

Темы контрольной работы:

1. Российская школа геополитики.
2. Феминистский подход в теории международных отношений.
3. Политический реализм Р. Арона.
4. Политический реализм Г. Моргантау.
5. Современные МНПО.
6. Современные МПО.
7. Российско-китайские отношения на современном этапе.
8. Российско-американские отношения на современном этапе.
9. Геополитическая концепция Г. Зюганова.
10. Геополитическая концепция В. Жириновского.
11. Внешнеполитическая проблематика в программах российских политических партий.
12. Ядерная программа КНДР.
13. Арабо-израильский конфликт: причины, ход, перспективы разрешения.
14. Современные проблемы международных отношений.
15. Государственная дума РФ и формирование российской внешней политики.
16. Внешнеполитическая программа Президента РФ В. В. Путина.
17. Основные направления российской внешней политики.
18. Проблемы современных российско-японских отношений.
19. Роль ШОС в современных международных отношениях в АТР.
20. Проблема борьбы с международным наркобизнесом.

9. ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Основные понятия теории международных отношений.
2. Парадигмы и направления ТМО.
3. Геополитика.
4. Природа и закономерности международных отношений.
5. Периодизация международных отношений и мировой политики.
6. Вестфальская система международных отношений.
7. Складывание «баланса сил» после Вестфальского мира.
8. Венский конгресс и его итоги.
9. Политические последствия Венского конгресса.
10. Образование Священного Союза и консервативно-монархическая реакция в Европе.
11. Венская модель международных отношений.
12. Версальский договор. Основные положения.
13. Вашингтонская система 42.
14. Основные черты Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.
15. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений.
16. Ялтинская конференция (4-11 февраля 1945 г.).
17. Потсдамская конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.).
18. Ядерный фактор Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.
19. Карибский кризис как апогей противостояния СССР и США.
20. Организация объединенных наций (ООН) как элемент Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.
21. ООН сегодня. Структура ООН.
22. Формирование новой политической карты мира.

23. Демократизация современного мира.
24. Современный глобальный мир.
25. Военный фактор в современных международных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мировая политика и международные отношения : учеб. пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб. : Питер, 2005. – 448 с.
2. Политология : учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб. : Питер, 2005. – 560 с.
3. Соловьёв, А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учеб. для студентов вузов / А. И. Соловьёв. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 559 с.
4. Цыганков, П. А. Теория международных отношений : учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М. : Гардарики, 2005. – 590 с.

Учебное издание

Новиков Денис Викторович

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИКИ

Учебное пособие

Редактор Ю. Н. Осинцева

Подписано в печать 21.02.2013.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага писчая. Отпечатано на ризографе.

Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 6,17. Тираж 50 экз.

Институт новых информационных технологий
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»
681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.

Полиграфическая лаборатория
Института новых информационных технологий
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»
681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.